

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

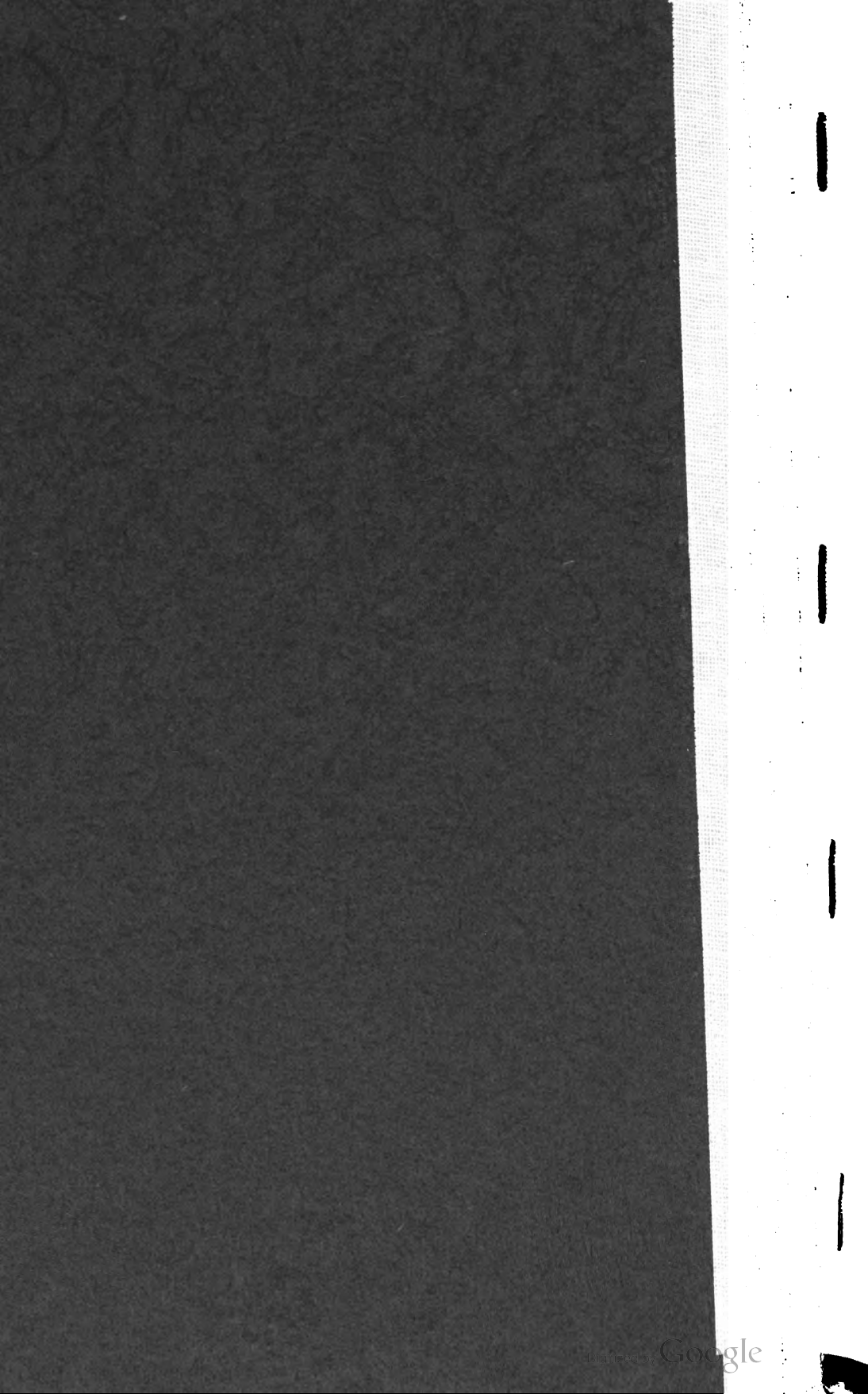
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

DR
721
B47

UC-NRLF

QB 559 639

054

SP. DIV.
PENDING

ПОСЪЩЕНІЕ

ЦАРЕГРАДСКИХЪ ДОСТОПРИМЪЧАТЕЛЬНОСТЕЙ

ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА.

— — — — —

DUPLICATE EXCHANGE, LIBRARY OF CONGRESS

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1854.

1.215

Березин, С. П.

НОСЪЩЕНІЕ

ЦАРЕГРАДСКИХЪ ДОСТОПРИМЪЧАТЕЛЬНОСТЕЙ

ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА,

въ 1845 году.

И. Березина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ,

1854.

(Изъ Журнала Мин. Нар. Преса, 1864, № 4 и 5).

DR 721
B 47

ПОСѢЩЕНІЕ

ЦАРЕГРАДСКИХЪ ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТЕЙ, ВО
ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА,

въ 1845 году.

Тому, кто не видалъ Южныхъ городовъ Европы, Неаполя или Лиссабона, трудно составить себѣ понятіе о Константинополѣ; но даже и тѣ, которые имѣли случай любоваться Лиссабономъ, бываютъ поражены панорамой Оттоманской столицы, при въѣздѣ съ Мраморнаго моря, откуда Царьградъ является во всемъ великолѣпіи и красо-

тѣ, съ многочисленными предмѣстіями—маленькими Стамбулами, не уступающими главному въ изяществѣ и разнообразіи видовъ. Я былъ такъ счастливъ, что мнѣ привелось вступить въ столицу Константина Великаго черезъ Дарданеллы, на пароходѣ, плавающемъ между Смирною и Царемградомъ, а не черезъ Босфоръ, откуда картина Константинополя представляется по частямъ, съ невыгодною постепенностію.

Довольно лѣтъ прѣшло уже съ тѣхъ поръ, какъ раздалось на этомъ пароходѣ общее восклицаніе: «вотъ онъ, Константинополь! вотъ острова Принцевы, вотъ и Ая-Софія!» но еще и до сихъ поръ я не забылъ того торжественнаго мгновенія. Лѣтній разсвѣтъ только-что начинался, слона морскаго только-что возставало лучезарное свѣтило, медленно разсѣвавшее утренніе туманы, какъ передъ нами явилась земля въ видѣ вулканическихъ изверженій изъ нѣдръ морскихъ: то были Принцевы острова. Едва взоръ успѣлъ остановиться на этихъ волнистыхъ скалахъ, какъ туманъ, окружавшій нашъ пароходъ, унесло утреннимъ вѣтеркомъ, и словно волшебная сила разомъ развернула передъ нашими глазами Золотой Рогъ съ его безчисленными кораблями, Царьградъ съ его громадными мечетями, и Босфоръ съ безконечными вилами и предмѣстіями. Единодушный кликъ восторга привѣтствовалъ возставшую отъ сна Турецкую столицу.

И это невольное движеніе, высказанное на разныхъ языкахъ Европы, было справедливою данью первопрестольному граду Константинову, поставленному на рубежѣ двухъ противоположныхъ міровъ — бездѣйствія и дѣятельности, Азіи и Европы! Не болѣе двухъ верстъ раздѣляло эти два враждебные міра, и какъ будто для примиренія двухъ

началъ, самая очаровательная, самая успокоительная картина развивалась на опасномъ рубежѣ. Влѣво, на Европейскомъ берегу, длинною чертою тянуся самый Царьградъ, на ближайшемъ краю котораго группа Семибашеннаго замка нѣсколько отдѣлялась отъ сплошнаго и пестраго строенія, а на другомъ концѣ, на Серальскомъ мысѣ, уступами поднимался отъ самаго моря старый Султанскій дворецъ, какъ бы составляя независимый городъ, надъ которымъ возвышались массивныя мечети Ая-Софія и Ахмеда со многими копьеобразными минаретами. Между этими главными фигурами картины остальное пространство занято пестрыми, воздушными домиками съ роскошной зеленью, а по временамъ показываются, для большаго разнообразія, малыя мечети и другія зданія. Это соединеніе яркихъ цвѣтовъ деревянныхъ домиковъ, свѣжей зелени, бѣлыхъ мечетей, позолоченнаго дворца, лазурнаго неба и голубыхъ волнъ недостижимо самому пылкому воображенію.

Но не думайте, чтобъ этимъ картина и замыкалась: нѣтъ! еще многое остается недописаннымъ, чего съ перваго взгляда я не могъ ни понять, ни оцѣнить. Отъ Серальскаго мыса вдается влѣво заливъ — Золотой Рогъ, названіе чрезвычайно счастливое: здѣсь лѣсъ мачтъ со стороны Европейскихъ предмѣстій Перы и Галаты, лежащихъ прямо противъ Царяграда, здѣсь опять громадныя бѣлыя мечети, пестрые домики, густая зелень; но здѣсь есть еще Европейскіе дворцы, между которыми Русскій занимаетъ самое видное и первое мѣсто, такъ что, по словамъ нашихъ завистниковъ, онъ *господствуетъ надъ Царемградомъ*.

Азіатскій берегъ давно уже манитъ къ себѣ пресыщенный взоръ путешественника: здѣсь, на отдаленномъ

горизонтъ, рисуется уединенный маякъ, далѣе представляется мирная деревушка, утонувшая вся въ зелени, и наконецъ, черезъ негостепріимный берегъ, около котораго постоянно разбиваются опасныя волны, взоръ останавливается на самомъ обширномъ предмѣстіи Царяграда — на Скутари, гдѣ опять и мечети, и казармы, и раскрашенные дома, и цѣлая роша кипарисовъ.

Вотъ я провелъ двѣ линіи отъ Принцевыхъ острововъ: одну налѣво — Европейскую, а другую направо — Азіатскую. Два материка раздѣляетъ, противъ Царяграда, Золотаго Рога и Скутари, неширокій Босфоръ, при самомъ входѣ въ который, близъ Скутари, возникаетъ изъ волнъ, какъ будто на стражу, Леандрова башня, небольшая, но красивая.

Стоя на перекресткѣ близъ этой башни, вы можете любоваться первымъ въ мірѣ видомъ: съ одной стороны, взоръ пронизываетъ седмихолмный Царьградъ вдоль по Мраморному морю отъ Серальскаго мыса до Семибашеннаго замка и отъ Серальскаго же мыса вдоль по Золотому Рогу до Эюбскаго предмѣстія; потомъ вы обозрѣваете Золотой Рогъ и Европейскія предмѣстія; отвернувшись отъ Серальскаго мыса, вы восхищаетесь Босфорскими вилами и предмѣстіями, сколько позволяютъ извилины пролива; наконецъ, обратясь на Югъ, вы видите Скутари, Азіатскій берегъ, Мраморное море, Принцевы острова и даль, вѣнчанную Олимпомъ.

Сколько красокъ, сколько разнообразія, и при этомъ столько воды и зелени!

Чудный, незабвенный видъ, единственный во вселенной! Что Царьградъ красивѣйшій въ мірѣ городъ, въ

этомъ можетъ удостовѣрить васъ извѣстный Русскій Живописецъ Айвазовскій. судья въ этомъ дѣлѣ безъапелляціонный, посѣтившій Константинополь послѣ Лиссабона и отдавшій полное первенство Оттоманской столицѣ, по сочетанію въ одной картинѣ затѣйливыхъ Восточныхъ зданій, восхитительнаго воздуха и безподобной зелени съ вулканической почвой на прибавку. Много говорятъ о красотахъ Рио-Жанейро; но въ этомъ случаѣ я могу опереться на сужденіе одного довольно знатнаго Бразильца, который въ мое время пріѣзжалъ въ Константинополь, и который, не смотря на весь свой патріотизмъ, не устоялъ противъ прелестей Стамбула, и отдалъ преимущество Оттоманской столицѣ передъ столицей своей родины. Наконецъ вспомните слова Шатобриана: «on n' exagère point quand on dit que Constantinople offre le plus beau point de l'univers».

Но если вы, прельстившись такою славою Константинополя, когда-нибудь рѣшитесь посѣтить его, то не сходите на берегъ, чтобы не утратить очарованіе, а остановитесь на пароходѣ, и когда взоръ вашъ насытится Цареградской панорамой, уѣзжайте на родину.

Не такова была моя участь: я долженъ былъ перебраться на берегъ, поселиться въ Перѣ, странствовать по грязнымъ и мрачнымъ улицамъ Стамбула, среди грубаго и нечистоплотнаго народонаселенія и смердящихъ голодныхъ псовъ, затыкая уши отъ выразительной Турецкой брани, зажимая носъ отъ нестерпимаго зловонія харчевенъ, закрывая глаза отъ безобразной аляповатости пестрыхъ домовъ, столь красивыхъ издали. Впрочемъ, я нѣсколько подбавилъ черной краски въ описаніи внутренняго Константинополя, можетъ быть потому, что слишкомъ былъ оболещенъ наружнымъ. Притомъ же бывали и восхити-

тельные образы передъ моими глазами: на-примѣръ, въ лѣтній вечеръ, послѣ знойнаго, душливаго дня, какъ отраднo было выйти на террасу многоэтажнаго дома въ Перѣ, впитать усладительную прохладу очищающаго воздуха и разсматривать каждый разъ съ новымъ восторгомъ золотистую сыпь заходящаго солнца на зелени, домикахъ и храмахъ Азіатскаго берега, или разбирать очерки густыхъ тѣней Стамбульскихъ зданій, или наконецъ прислушиваться къ напѣву муэззинновъ, съ высоты минаретовъ привѣтствующихъ заходящее солнце вечернею молитвою.

Въ прежнее время посѣщеніе дворцевъ Султанскихъ и главныхъ мечетей, особенно Ая-Софій, было очень трудно для не-Мусульмаина, но мало-по-малу паденіе Турецкаго фанатизма и настойчивость Европейскихъ путешественниковъ потрясли запретительную Турецкую систему до того, что въ послѣднее время Порты выдавала, по требованію любого Посольства, только не Греческаго, за извѣстную плату, фирманы на осмотръ пустыхъ дворцевъ и главныхъ мечетей, за исключеніемъ, разумѣется, Эюбской. Такимъ образомъ, трудностей никакихъ не было; но представлялось лишь одно препятствіе — значительные расходы: кромѣ платы за фирманъ, бахшиша (подарка) провожатымъ, необходимо было производить денежные раздачи въ каждомъ посѣщенномъ зданіи, такъ что осмотръ Стамбульскихъ достопримѣчательностей цѣнился почти въ полтораста цѣлковыхъ. Основываясь на такихъ соображеніяхъ, Перотскіе зоилы даже утверждали, что Высокая Порты избрѣла новый источникъ доходовъ. Какъ бы то ни было, но занлатить такую огромную сумму я былъ не въ состояніи, а осматривать дворцы и мечети даромъ,

прининуть къ свитѣ какого-нибудь богатаго Лорда, какъ дѣлають многіе несостоятельные путешественники, не позволяло мнѣ мое Русское имя.

И такъ я ожидалъ благодатнаго покрова отъ своего Отечества.

Въ концѣ Мая 1845 года, когда уже наступило время возвращенія моего на родину, получено было радостное извѣстіе о скоромъ прибытіи въ Царьградъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Сынъ Русскаго Царя, соименикъ Великаго Константина, въ стѣнахъ древней Византіи — какое многозначительное событіе, какое счастье для тѣхъ, которые удостоивались лицезрѣть Высокаго Путешественника въ землѣ искони Православной, но потомъ враждебной Христіанству! Турецкіе Греки основывали много упованій на этомъ странствованіи Августѣйшаго Русскаго Князя; важные Османлы стали еще молчаливѣе, а если и говорили, то одно — что Великій Князь пріѣхалъ просить у Султана помощи противъ Шамиля; завистливые Французы начали громогласно припоминать всѣ обстоятельства пребыванія Принца Жуанвильскаго въ Константинополѣ, о храбрыхъ дѣйствіяхъ его на пожарѣ, случившемся тогда въ Перѣ, и о прочемъ.

Дорогое извѣстіе подтвердилось, ожиданія исполнились: 6 Іюня, въ 8 часовъ утра, Его Императорское Высочество изволилъ прибыть на парходѣ «Бессарабія» прямо въ Буюкдере, одно изъ Константинопольскихъ предмѣстій на Босфорѣ, гдѣ находится лѣтній домъ Русскаго Посланника.

Парходѣ «Бессарабія», принесшій на своихъ крылахъ Августѣйшаго Гостя, принадлежалъ къ числу парходовъ-

фрегатовъ, назначенныхъ содержать сообщеніе между Одессою и Константинополемъ: «Бессарабія»—въ 260 силъ, Командиръ—Истоминъ. Свиту Его Императорскаго Высочества составляли: Вице-Адмиралъ Литке, Капитанъ Лутковскій, Наставникъ Гриммъ и нѣсколько молодыхъ людей изъ знатныхъ Русскихъ фамилій.

Его Императорское Высочество, на парадномъ кайкѣ нашего Посольства, въ сопровожденіи Посланника, изволилъ тотчасъ же съѣхать на берегъ, гдѣ ожидали Великаго Князя Члены Русскаго Посольства, Рифать-Паша, Турецкій Бригадный Генералъ, и Мустафа-бей, Командиръ линейнаго корабля, назначенные, по волѣ Султана, состоять при Особѣ Августѣйшаго Путешественника, во все время пребыванія Его въ Царѣградѣ. Буюкдерская набережная была покрыта Христіанскимъ народонаселеніемъ окрестностей. Утромъ Его Императорское Высочество изволилъ ознакомиться съ лѣтнимъ домомъ Посольства и его обширнымъ садомъ, а послѣ обѣда посѣтилъ гору Исполина, Генуэзскій замокъ и памятникъ Русской славы въ Царѣградѣ — Хункяръ-скелеси (пристань Султана), гдѣ стояли лагеремъ Русскія войска, приходившія на помощь Турціи противъ мятежнаго вассала Мегеметь-Али, и гдѣ воздвигнута каменная скала въ память Русскимъ воинамъ.

7 Іюня, въ 10 часовъ утра, прибыли, для поздравленія Его Императорскаго Высочества съ пріѣздомъ, зять Султана, Капуданъ-Паша Халиль, Великій Адмиралъ Турецкаго флота, бывший Турецкимъ Посломъ въ С. Петербургѣ въ 1830 году, и Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Шекибъ-Эфенди. Послѣ сего Великій Князь изволилъ

отправиться, на томъ же пароходѣ, для общаго обзора по всему Босфору и Мраморному морю до Семибашеннаго замка, откуда пароходъ поворотилъ къ Азіатскому берегу и остановился близъ Фенерь-багчеси. Его Высочество, сойдя здѣсь на берегъ, изволилъ отправиться изъ долины Хайдеръ-Паши, гдѣ были приготовлены верховыя лошади, на гору Булгурму, откуда открывается панорама Царяграда и его окрестностей. Восхищенный представившеюся картиною, Его Высочество изволилъ снимать собственноручно видъ Константинополя съ этой горы, послѣ чего удостоилъ посѣтить кіоскъ «Хакимъ-баши» (Генераль-Доктора), построенный на скатѣ Булгурму, и обозрѣвалъ Азіатскій городъ Скутари.

8 Іюня, въ Пятницу (Мусульманскій праздничный день), Его Высочество изволилъ посѣтить Азіатскія «Прѣсныя воды», гдѣ въ это время было значительное стеченіе Мусульманъ, обозрѣлъ Султанскій дворецъ «Чираганъ» и кавалерійскія казармы въ Кулели.

9 Іюня, Султанъ Абдуль-Меджидъ (рабъ Славнаго) принималъ Высокаго Гостя въ дворцѣ Бейлербейскомъ: этому посѣщенію предшествовалъ предварительный разговоръ между Русскимъ Посольствомъ и Церемоніймейстеромъ Султанскимъ. Надобно знать, что, по заведенному издревле уставу, всякій пріѣзжій посѣтитель, представляющійся Султану, сначала угощается въ переднемъ залѣ обѣдомъ, а потомъ уже вводится въ присутствіе Оттоманскаго Государя: въ этомъ обычаѣ видна старинная гордая политика Османской Державы, величающей своимъ гостепривѣтствомъ. На сей разъ Турецкое Правительство рѣшилось измѣнить древній обычай, во уваженіе того, что Тур-

ція теперъ стала *образованнѣе* Государствомъ, которому неприлично придерживаться отсталыхъ предрасудковъ. При вступленіи Его Императорскаго Высочества въ залу, юный Султанъ всталъ съ дивана, подошелъ на встрѣчу своему еще болѣе юному Гостю и пригласилъ Великаго Князя сѣсть на кресло, стоявшее предъ повелителемъ Осману. Послѣ привѣтствія и изъявленія желанія, чтобъ Его Императорское Высочество продлилъ на нѣкоторое время пребываніе свое въ Константинополѣ, Султанъ обратилъ вниманіе Августѣйшаго Путешественника на двѣ фарфоровыя вазы, украшавшія Султанскій покой, съ изображеніемъ Государя Императора и Государыни Императрицы. При семъ посѣщеніи были представлены Султану всѣ Члены Русскаго Посольства. По окончаніи визита, Великій Князь изволилъ обозрѣвать садъ въ Бейлербейскомъ дворцѣ.

10 Іюня останется навсегда глубоко-памятнымъ днемъ въ моей жизни: въ это Воскресенье, по распоряженію нашего Посланника, я имѣлъ неоцѣненное счастье представляться, вмѣстѣ съ другими Русскими подданными, Его Императорскому Высочеству, по окончаніи Божественной литургіи. Съ очаровательною благосклонностью Великій Князь обращалъ милостивое слово къ каждому, изъ представлявшихся. Вскорѣ послѣ сего Его Высочество изволилъ отправиться со свитою для обозрѣнія водопроводовъ въ Бѣлградъ и Пиргосъ; въ эту прогулку Священникъ Греческой церкви въ Бакче-кѣй, умиленный видомъ Русскаго Царевича, лобызалъ стопы Августѣйшаго Путешественника, умоляя Его посѣтить убогій храмъ, а Православное народонаселеніе этихъ мѣстъ, увеличенное Буякдерскими и Цареградскими Греками, сопровождало Вели-

каго Князя и въ Пиргосъ, гдѣ былъ приготовленъ полевой обѣдъ. Въ этомъ селеніи, близъ котораго находится массивный водопроводъ Іустиніана, Его Императорское Высочество изволилъ поощрять праздничныя увеселенія Греческихъ обывателей, которые плясали свой народный танецъ «ромейку». — Въ 9 часовъ вечера Его Императорское Высочество изволилъ прибыть въ Перу, во дворецъ Русскаго Посольства, при многочисленномъ стеченіи народонаселенія Перы, живописно освѣщенной въ сумракѣ факелами и впервые удостоившейся узрѣть въ своихъ стѣнахъ Благословенную отрасль Державнаго Дома Романовыхъ.

Такъ какъ я не имѣлъ счастья состоять въ эти дни въ свитѣ Его Высочества, то могу лишь предложить удивительныя впечатлѣнія мои объ очаровательныхъ берегахъ Босфора, еще до прибытія Августѣйшаго Путешественника.

Босфоръ!... Чье образованное сердце не билось сильнѣе при этихъ немногихъ звукахъ? въ чьемъ воображеніи не возникали очарованія Природы и Искусства? въ чьей памяти не рисовались классическіе образы древности и позднѣйшихъ временъ? И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь можно лишь восклицать:

Красота, красота, красота!

Босфоръ (переходъ быка), не смотря на двадцать шесть верстъ своего протяженія, мало извилисть, и только въ двухъ мѣстахъ дѣлаетъ крутые повороты: оба берега его состоятъ изъ цѣпи довольно высокихъ холмовъ, перерѣзываемыхъ по временамъ небольшими живописными оврагами или улыбающимися долинами; вершина холмовъ большею частію обнажена; но по скатамъ, а особенно внизу и въ до-

линахъ растительность роскошна. Извѣстно сказаніе Діодора Сицилійскаго, Стравона, Эратосѣена и предположеніе Геологовъ, что Константинопольскій проливъ есть позднѣйшій прорывъ водъ Чернаго моря въ Средиземное; это мнѣніе перешло даже и къ Туркамъ, если только не сами они были наведены на него волканическимъ образованіемъ Константинопольской почвы и сходствомъ разорванныхъ береговъ Босфора. Разумѣется, своей догадкѣ Турецкіе Писатели придали особенную форму: такъ Историкъ Эвлия-Челеби повѣствуетъ, съ полною вѣрою въ свой разсказъ, что, на пространствѣ между Скутари и Стамбуломъ, стоялъ огромный городъ Македонія, въ которомъ однихъ мельницъ было до семисотъ; что владѣтельница этого города, Гречанка Кіадафе, захватила въ плѣнъ знаменитаго Восточнаго героя Искандера Старшаго и освободила его только на условіи не воевать съ ней огнемъ и мечемъ; но что одинъ изъ Визирей Искандера научилъ его прорыть каналъ изъ Чернаго моря въ Средиземное, отчего и погибла Кіадафе со всѣмъ своимъ народомъ.

Пущенная изъ Чернаго моря въ Архипелагъ вода и до сихъ поръ стремится съ особенною силою, такъ что въ Босфорѣ существуютъ два теченія: изъ Чернаго моря теченіе идетъ подлѣ Азіатскаго берега, а изъ Мраморнаго — подлѣ Европейскаго; оба теченія сталкиваются почти на половинѣ Босфора у Румелійскаго замка и особенно у Арнаутъ-кѣй, такъ что плывущіе изъ Перы въ Буюкдере какки идутъ здѣсь бичевою, для которой всегда есть на берегу готовые люди, за десять паръ (5 коп. асс.). Это столкновение двухъ теченій, описанное подробно еще у Поливія, называется *хисаръ-акиндиси* (теченіе замковое), *арнаутъ-акиндиси* (теченіе Арнаутово), или вообще *шейтанъ-акин-*

диски (сатанино теченіе). Со стороны Мраморнаго моря Босфоръ отдѣляется какъ бы особенною чертою отъ мыса Семибашеннаго до мыса Каламыша: вода Босфорская съ лѣвой стороны этой черты соленая и темная, а вода Пропонтиды съ правой стороны горькая и свѣтлая. На этой чертѣ, по увѣренію Эвлия-Челеби, не постигаетъ никакое волненіе и можно быть безопасну отъ восьми вѣтровъ, исключая только *лодоса*, дующаго отъ острововъ Мраморнаго моря.

Не смотря на незначительную ширину Босфора — мѣстами менѣе версты — въ проливѣ иногда свирѣпствуютъ бури, такъ что сообщеніе Европы съ Азіей на лодкахъ прекращается, тѣмъ болѣе, что Константинопольскія лодки (каики), ради Босфорскихъ теченій и вѣтровъ, имѣютъ чрезвычайно длинную, узкую и острую фигуру. Въ каикахъ, подобіе которыхъ употребляется и въ Месопотаміи подъ именемъ *маша*, надобно сидѣть внизу, а не на лавкахъ, которыхъ нѣтъ, и сидѣть смирно: потому что, при такой узкой формѣ, каики не могутъ не быть вертлявы, и притомъ разбиваются волною. За то изящная форма ихъ и быстрота на ходу выкупаютъ другіе недостатки. Кромѣ каиковъ, для сообщеній по Босфору, ходитъ ежедневно вечеромъ Турецкіи пароходъ *эсеръ-и-хаиръ* (добрый носитель).

И такъ, ознакомясь въ общихъ чертахъ съ Босфоромъ, начнемъ обзоръ его береговъ отъ Чернаго моря до Пропонтиды, и притомъ съ Европейской стороны; но прежде замѣтимъ, что отправляющемуся по Босфору нужно запастись многими историческими свѣдѣніями; здѣсь каждая мѣстность носить нѣсколько названій изъ древности и разныхъ временъ разнородныхъ владычествъ, такъ что даже при Туркахъ многія мѣста уже не разъ мѣняли свои

прозвища, и самые опытные жители Стамбула не знаютъ названій, еще употреблявшихся въ прошломъ столѣтїи: это замѣчаніе относится вообще ко всему Константинополю. Въ настоящее время оба берега Босфора устьяны малыми и большими селеніями, составляющими предметія Стамбула, и дачами туземныхъ вельможъ: каждый шагъ на Босфорѣ есть и живописная картина, и какое-нибудь воспоминаніе или изъ классической древности, или изъ Византійской жизни, или наконецъ изъ кровавыхъ лѣтописей Оттоманской Имперіи.

Входъ въ Босфоръ изъ Чернаго моря стерегутъ возвышающіяся изъ морской пучины скалы, носившія въ древности названія Кіанейскихъ (голубыхъ) острововъ, хотя нынѣ цвѣтъ ихъ темно-бурый; древніе считали ихъ сначала пловучими, для того будто бы, чтобы загоразживать путь въ Черное море, почему и называли ихъ еще Симплегады (соединяющіеся). Какой замысловатый мифъ, разрушенный Ясономъ и Аргонавтами!

Европейскій берегъ Босфора начинается также скалами, служившими убѣжищемъ Оракійскимъ пиратамъ; на мысу здѣсь стоитъ деревушка и укрѣпленіе съ маякомъ, Фенерь-кѣй или Фенараки (деревня маяка); далѣе опять мысъ и укрѣпленіе Каридже. Недалеко отсюда примѣтны еще слѣды Генуэзскаго замка, охранявшаго Босфоръ съ Европейской стороны. Миновавъ Буюкъ-лиманъ (большой заливъ), древнюю гавань Ефесянъ, и баттарей, построенныя въ 1773 г. Французомъ Тоттомъ, мы можемъ отдохнуть въ селеніи Румели-кавакъ (Европейскій платанъ), гдѣ также есть укрѣпленіе съ баттареей: вѣроятно, отсюда протягивалась черезъ Босфоръ желѣзная цѣпь, за которую пропускали корабли впередъ и обратно, при Императорахъ и

Генуэзцакъ, только по уплатѣ таможеннаго сбора, вѣроятно потому, что здѣсь самое узкое мѣсто пролива въ верхней его части (меньше версты).

До сихъ поръ Природа Босфорскаго берега не очень щедра на свои дары, мѣстность отчасти дика и народонаселенія мало: потому что дачная жизнь еще сюда не проникла, да и было бы далеко отъ Константинополя жить здѣсь. Далѣе картины становятся оживленнѣе, Природа цвѣтушѣе, народонаселеніе гуще.

Послѣ Румели-кавака, на Европейскомъ берегу находится баттарей на мысу, называемая Дели-табіа, далѣе деревня Ени-махале (новый кварталъ), гдѣ нѣсколько прелестныхъ гулявій. Небольшой мысъ Симасъ, нынѣ Мезаръ-бурну (мысъ кладбища), на которомъ находится укрѣпленіе, построенное Султаномъ Махмудомъ II, отдѣляетъ эту мѣстность отъ Буюкдере.

Съ именемъ Буюкдере соединяется много пріятныхъ воспоминаній у каждаго путешественника: это одна изъ красивѣйшихъ мѣстностей на Босфорѣ, который здѣсь расширяется и образуетъ большой заливъ Буюкдерскій, называвшійся прежде Ваэиколпосъ (глубокій заливъ). Деревня Буюкдере, получившая Турецкое названіе отъ сосѣдней долины (Буюкъ-дере—большое ущелье или долина), очень значительное по величинѣ селеніе, въ которомъ находится довольно виллъ, обширныхъ и красивыхъ, двѣ церкви, базаръ, двѣ гостинницы для пріѣзжающихъ, опрятная набережная, долина и сады для прогулокъ. Близость Чернаго моря, изъ котораго дуютъ прохладные вѣтры, привлекаетъ въ эти мѣста на лѣто многихъ постоянныхъ жителей и временныхъ посѣтителей; народонаселеніе состоитъ изъ

Грековъ, Армянъ и Франковъ, а изъ Мусульманъ имѣтъ здѣсь пребываніе только отрядъ войска. Въ Буюкдере сосредоточивается лѣтомъ высшее Европейское общество: здѣсь находятся дома Русскаго Посланника, Австрійскаго Интернунція, Датскаго и Испанскаго Посланниковъ и нѣкоторыхъ другихъ; зданія и дома примыкаютъ къ скату горъ, по которому тянутся сады. Лучшій изъ дворцовъ принадлежитъ Россіи: это—бѣлое, красивое зданіе, передъ которымъ находится садикъ, а сзади и сбоку примыкаетъ густая роща, спасительное убѣжище въ жаркіе дни, проводимые здѣсь отъ Апрѣля до Ноября.

Чтобъ познакомиться вполне съ окрестностями Константинополя, необходимо совершить маленькую поѣздку по сушѣ изъ Буюкдере въ Бѣлградъ, прежде чѣмъ спустимся по Босфору къ Константинополю: самое имя Бѣлграда, заблудившееся на этой классической почвѣ, должно привлекать любопытство Русскаго.

Тотчасъ по выѣздѣ изъ Буюкдере представляется къ Западу Буюкдерская долина, называвшаяся встарину *Kalos agros* (красивое поле), а нынѣ именуемая по-Турецки «Чай» (рѣка). Очаровательна Буюкдерская долина: все здѣсь зелень и цвѣтъ; почти средину ея занимаетъ знаменитый платанъ, подъ которымъ будто бы отдыхалъ Готфридъ Бульонскій, почему онъ и называется Готфридовымъ, а по-Турецки *кыркъ-агаджъ* (сорокъ деревъ), или семь братьевъ (*еди кардашъ*), по числу главныхъ стволовъ,—вѣковое, широко и густо раскинувшее свои вѣтви, красивѣйшее дерево, подробно описанное Естествоиспытателемъ Оливье, какъ гигантъ растительности. На этой долинѣ, до Греческаго возстанія, часто бывали гулянья; но теперь уединенная кофейня близъ платана мало привлекаетъ посѣтителей.

Дорога, мощеная камнемъ, врывается въ тѣсное Буюкдерское ущелье, устѣянное деревьями, по срединѣ котораго и по долинѣ проходитъ русло ручья, лѣтомъ пересыхающаго. Въ одномъ частѣ пути находится Византійскій водопроводъ, называемый *кемеръ* (поясъ) и видимый еще съ Босфора; онъ сложенъ отчасти изъ большихъ, гладкихъ камней, а отчасти изъ небольшихъ, въ 20 арокъ. Этотъ водопроводъ, мѣстами лежащій въ землѣ въ видѣ глиняной трубы изъ мелкихъ колѣнъ, а мѣстами, гдѣ попадаютъ овраги, возвышающійся опять арками, несетъ воду изъ Бѣлградскихъ резервуаровъ въ столицу Оттоманской Имперіи, на протяженіи 22 версты: онъ построенъ первоначально Императоромъ Адрианомъ, а возстановленъ Іустиніаномъ. Повернувъ отсюда къ Сѣверо-Западу, черезъ полверсты достигаемъ деревни Багче-кѣй (деревня-огородикъ), населенной Греками и имѣющей Православную церковь во имя Св. Аѳанасія.

Отъ этой деревни начинаются *бенды*, у Византійцевъ *идрамі* — резервуары, въ которыхъ скопляется съ отроговъ Балканскихъ вода, напоющая Константинополь. Первый резервуаръ, называемый *эски-бандъ* (старый), подновленъ Султаномъ Махмудомъ I-мъ. Въсѣтъ съ резервуарами распространяется отъ Багче-кѣй густой лѣсъ платановъ, дубовъ и каштановъ, безъ котораго не могла бы и держаться вода въ бендахъ и который рубить запрещено подъ строгою отвѣтственностью. Въ этомъ лѣсу, черезъ полчаса пути, вы видите еще два резервуара: второй, устроенный Султаномъ Махмудомъ, какъ видно изъ стиховъ на доскѣ въ плотинѣ (моуджъ-аверь бахрѣ-керемъ Султанъ Махмудъ Эшшейимъ), есть самый обширный и самый лучшій изъ всѣхъ резервуаровъ; хотя размѣры его

почти одинаковы съ размѣрами стараго бенда, но здѣсь работа гораздо изящнѣе.

Черезъ полчаса пути является Бѣлградъ—цѣль поѣздки. Селеніе Бѣлградъ расположено на живописной мѣстности, да иначе въ этихъ краяхъ и быть не можетъ: здѣсь каждый холмъ, каждая ямка въ землѣ живописны. Въ Бѣлградѣ, первоначально Болгарской колоніи, нынѣ до сотни Греческихъ домовъ, пять-шесть Болгарскихъ и одна церковь Св. Георгія; изъ Мусульманъ здѣсь находится только *забитъ* (староста). Прежде въ Бѣлградъ переѣзжали на лѣто обитатели Перы; но излишняя влажность резервуаровъ дѣйствовала вредно на здоровье, и поэтому Бѣлградъ служить нынѣ лишь мѣстомъ прогулки.

Къ Византійскимъ резервуарамъ, окружающимъ Бѣлградъ, съ особеннымъ упорствомъ старались привязать свое имя Турецкіе Султаны, хотя иной разъ весь трудъ съ ихъ стороны ограничивался перемѣною нѣсколькихъ камней. Замѣчу еще, что всѣ Бѣлградскіе бенды уступаютъ въ красивой мѣстности бенду Шаха Аббаса въ Кугрудскихъ горахъ, на пути изъ Тегерана въ Испагань.

Послѣ этой поѣздки мы смѣло можемъ раскрывать далѣе завѣсу, стерегущую завѣтныя красоты Босфора и которой одинъ уголъ уже приподнять.

За Буюкдерской долиной слѣдуетъ деревушка Кефели-кѣй (деревня жителя Кафы), населенная отчасти бѣдными Булгарами-арабаджи (извощиками): отсюда открывается видъ прямо на Черное море, откуда нерѣдко стремятся въ Босфоръ стаи кораблей. За этою деревнею слѣдуютъ заливъ Чакаль-дере (долина шакаловъ), укрѣпленіе и гулянье Агачъ-алти (подъ деревьями), какъ Берлинское

Unter den Linden, и мысъ Кереджъ-бурну (известковый мысъ), вооруженный баттареею, построенною Султаномъ Селимомъ III; кромѣ того у Грековъ здѣсь разъ въ годъ бываетъ богомолье (панагири) при святомъ ключѣ (аясма). Миновавъ довольно большую фабрику, на которой починаются Австрійскіе пареходы, полюбовавшись домомъ Французскаго Посланника, съ большимъ красивымъ садомъ и террасой, съ которой разстилается обширный видъ на Босфоръ, остановимся въ деревнѣ Терапіи. До Греческаго возстанія сюда переселялся на лѣто почти весь Фанаръ, Греческій кварталъ Стамбула, и Терапія слыла однимъ изъ главнѣйшихъ мѣстъ Босфора. Теперь не тѣ: хотя здѣсь находятся виллы Англійскаго и Французскаго Посланниковъ и живетъ Греческій Епископъ съ нѣкоторыми Фанариотами, хотя здѣсь довольно красивыхъ домиковъ, отдающихъ въ наемъ на лѣто, однакожъ Терапія должна уступить пальму первенства Буюкдере. Расположенная террасой, при входѣ въ двѣ небольшія долины, Терапія носила прежде названіе Фармакіи, потому что Медея оставила здѣсь коробочку съ чародѣйными травами; въ Терапіи существовалъ въ Византійскія времена дворецъ, а нынѣ находится Султанскій кіюскъ (кѣшкъ), деревянный павильонъ съ большимъ садомъ; въ углубленіи долины есть фонтанъ превосходной воды, называемый «холодный фонтанъ». Терапійскій кіюскъ пользовался особеннымъ расположеніемъ покойнаго Султана, жившаго здѣсь два лѣта, которыя были одними изъ лучшихъ и спокойнѣйшихъ его царствованій.

За мысомъ Ахиръ-бурну (последній мысъ), лежитъ Календеръ (дервишское мѣсто), и деревушка и укрѣпленіе, построенное Султаномъ Махмудомъ II, Кѣй-баши (глава

деревни), примыкающее къ большой и населенной преимущественно Греками Ени-кѣй, по-Гречески Νέο ὑπόρου, что значитъ на обоихъ языкахъ *новая деревня*: потому что она принадлежитъ къ числу недавнихъ поселеній на Босфорѣ (по словамъ Эвлия-Челеби, со временъ Султана Сулеймана). Ени-кѣй напоминаетъ отважный наѣздъ Казаковъ, которые, назадъ тому два вѣка, проникли, по Черному морю и Босфору, даже досюда, опустошая все на своемъ пути. Классическое имя слѣдуетъ за Ени-кѣй: это—Истенія, въ древности Lasthenès: на этомъ мѣстѣ, тогда лѣсистомъ и дикомъ, Амикусъ хотѣлъ задержать Аргонавтовъ, но былъ побѣжденъ, и на полѣ побѣды воздвигнуть храмъ, обращенный Константиномъ Великимъ въ церковь Св. Михаила; кромѣ того здѣсь стоялъ загородный дворецъ Византійскихъ Императоровъ. Какъ измѣняли свои названія Босфорскія побережья, можно судить по слѣдующей деревнѣ Эмирганъ-кѣй (деревня Эмиргана): въ древности здѣсь былъ храмъ Гекаты, почему и вся мѣстность носила названіе Trivia, эпитетъ Діаны (Гекаты); потомъ деревня прозывалась Kiparodhis, отъ росшихъ здѣсь кипарисовъ, и наконецъ при Туркахъ называлась Феридунъ-Паша-багчеси (огородикъ Феридуна-Паши). Бояджи-кѣй (деревня красильщика), и Балта-лиманъ (заливъ топора) съ деревней того же имени слѣдуютъ за Эмирганъ-кѣй: Балта-лиманъ дано въ честь Балта-оглу, Адмирала Султана Мухаммеда II, который стоялъ здѣсь съ своимъ флотомъ передъ взятіемъ Константинополя.

Обозрѣвъ внимательно такое пространство, не лзя не утомиться, не лзя не отдохнуть, чтобъ собраться съ мыслями: здѣсь такъ много красотъ, такъ часто перемѣняются пейзажи, что и пройденнаго нами пространства достало

бы на то, чтобы прославить нѣсколькó десятокó верстѣ, и притомъ изъ каждой красивой мѣстности выглядываетъ историческое событіе. Прибавьте къ этому живописныя, легкіе ялы (дачи), у которыхъ волны морскія разгуливаютъ въ саду или по террасамъ, пестрые костюмы гуляющихъ и негуляющихъ, безчисленныя стаи кайковъ, скользящихъ по Босфору, неподобныя виды на Азіатскій берегъ, ароматный воздухъ, пѣніе соловьевъ — и неужели еще не согласитесь вы, что здѣсь эдемъ?... Одинъ воздухъ Босфорскій не имѣетъ себѣ соперника въ цѣломъ мірѣ: горная сухость увлажняется здѣсь морскими парами и прохладается вѣтрами Чернаго моря. Но, сидя въ роскошномъ ялы, съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ, оставьте всякую мысль, особенно не задумайте совершить прогулку по горнымъ вершинамъ: тамъ сухая, но плодородная почва брошена на произволъ судьбы, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ эдема вы видите пустыню.

Буюкдере раздѣляетъ эту часть Босфора на двѣ половины: виды вездѣ равно живописны; но побережье къ Черному морю отличается болѣе дикими пейзажами и меньшею населенностью; по сю сторону Буюкдере и въ самомъ Буюкдере болѣе живетъ дачное Европейское населеніе Константинополя и Воскресенье здѣсь самый лучший и оживленный день въ недѣли.

Быстрое теченіе крутитъ кайки, идущіе изъ Перы въ Буюкдере: это — шейтанъ-акиндиси (сатанино теченіе), на зывавшееся въ древности *Rugthias kion* (красная собака). Мысль, гдѣ вертятся воды Босфора, составлялъ прежде постоянный предметъ ужаса: у Византійцевъ онъ именовался *мысомъ казней*, а у Турокъ — башъ-кесенъ (головорѣзъ). При владычествѣ первыхъ здѣсь стояла крѣпость; Султанъ

Мурадъ II также построилъ здѣсь укрѣпленія, а Султанъ Мухаммедъ II, для покоренія Царяграда, воздвигнулъ здѣсь, въ три мѣсяца, три башни, составляющія пылѣвшій Румели-хисаръ (Европейскій замокъ), который, съ Азіатскаго берега, представляетъ, своими тремя башнями и стѣнами, четыре буквы Арабскаго имени Мухаммедъ (М, Х, М и Д: гласныя въ Арабскомъ опускаются). Въ этомъ замкѣ совершались прежде казни Янычаръ, и, въ новѣйшее возстаніе ихъ, было здѣсь убито и брошено въ волны Босфора нѣсколько тысячъ мятежниковъ: только пушечный выстрѣлъ возвыщаль Стамбулу о жертвѣ, принесенной Босфору. Но къ этой мѣстности привязаны еще очень древнія воспоминанія: здѣсь переходило по мосту войско Дарія, черезъ Босфоръ, въ ознаменованіе чего поставлены были двѣ колонны съ именами народовъ-данниковъ Персія; здѣсь же переходили черезъ Босфоръ и Крестоносцы. Эти переправы воителей изъ одной части свѣта въ другую потому совершались здѣсь, что Босфоръ у замковъ шириною не болѣе 400 сажень. Въ настоящее время замокъ Румелійскій принадлежитъ къ числу незначительныхъ Босфорскихъ укрѣпленій, хотя онъ довольно великъ и снабженъ пушками. Подлѣ него лежитъ красивая деревня Бебекъ (зрачекъ), которой главную занимательность составляетъ «кіоскъ конференцій», обновленный Султаномъ Селимомъ III, — небольшое изящное зданіе, въ густой зелени, отъ котораго былъ въ восторгѣ извѣстный Ориенталистъ Гаммеръ. За деревней находится мысъ Акинди-бурну (мысъ теченія), въ древности *Esties*, измѣненное въ *Megharauma* (великое теченіе), какъ его называютъ и нынѣшніе Греки, а за мысомъ расположена деревня Арнаутъ-кѣй (деревня Албанская).

Если еще не наскучили вамъ классическія воспомина- нія, то за Арнаутской деревней припомнимъ древнюю Ву- thias, такъ-называвшуюся отъ высокихъ мысовъ, защищав- шихъ ее: здѣсь Медея посадила лавръ и здѣсь же былъ разбитъ Виталиенъ. Миновавъ Саррафъ-бурну (мысль бан- кира), въ древности «губа Изисова», мы должны остано- виться на отдыхъ въ деревнѣ Куру-чешме (сухой источ- никъ), тѣмъ болѣе, что мы, Русскіе, можемъ рассчиты- вать здѣсь на благосклонный приемъ. Въ древности эта мѣстность называлась Salames, отъ множества тростни- ка; деревня Куру-чешме лежитъ въ узкой лошинѣ, обитае- ма разными племенами изъ рай (Христіанскихъ поддан- ныхъ Турціи), почему и дома здѣсь всѣ темнаго цвѣта. Греки имѣютъ здѣсь церковь съ мраморнымъ поломъ, аясу Св. Димитрія и школу, въ коей преподаются 300 учени- камъ нѣкоторыя Науки и языки Греческій, Латинскій и Французскій; Константинопольскій Патріархъ иногда прѣ- ѣзжаетъ сюда на отдыхъ. На возвышеніи стоитъ большой домъ Болгарскаго Князя Богорида. Мѣстность Куру-чешме, гдѣ до Греческаго возстанія жило высшее Православное Ду- ховенство Цареградское, имѣетъ то неудобство, что въ заливъ ея сносятся Южными вѣтрами разныя нечистоты, плаваю- щія по Босфору.

Потомъ является одно изъ большихъ Босфорскихъ селеній Орта-кѣй (средняя деревня), въ древности Archion: свѣжая растительность разстилается надъ ней, но нижняя часть деревни грязна. По двумъ бокамъ Орта-кѣй находит- ся три кіоска Султаншъ, т. е. сестеръ Султана и матери его; но это некрасивыя, довольно мрачныя кіоски, съ рѣ- шетчатыми окнами, населенныя только внуками да жен- щинами, скорѣе шортящія пейзажъ, нежели украшающіе

его. Деревня Бешикъ-таши (колыбельный камень), сосѣдка Орта-кѣй, называлась когда-то *Diplokiouion* (соединенныя колонны), а въ самой глубокой древности Ясоніонъ, потому что здѣсь приставалъ Ясонъ на пути въ Колхиду. Нынѣ эта деревня населена преимущественно Мусульманами; на берегу смотрятся въ волны Босфора дачи зажиточныхъ Османлу, а наверху колышутся вѣтромъ дубы, платаны и кипарисы. Густота Мусульманскаго народонаселенія, обиліе мечетей и значительность селеній показываютъ, что мы уже близко къ Стамбулу. На краю Бешикъ-таши находится Султанскій дворецъ и мечеть Черлекъ-Мустафы-Эфенди: плывя въ каякъ мимо Султанскаго дворца, каждый, кто бы онъ ни былъ, обязанъ опустить зонть, не курить, не говорить громко, не показывать оружія и проч. и проч.— что все перечислить вамъ везущій васъ каякчи. Этотъ дворецъ, находящійся на мѣстѣ, называемомъ Чираганъ (свѣтильникъ), почему и самое зданіе носитъ то же имя, въ мое время только что отдѣлался и еще окончивали подлѣ каменную набережную, которыя на Босфорѣ, при сильномъ стремленіи воды, необходимы. Относительно этого дворца я долженъ сказать горькую истину: построенный въ Европейскомъ вкусѣ, онъ не имѣетъ ничего ни грандіознаго, ни привлекательнаго, и, лишившись Восточной вычурности, много уступаетъ Русскому дворцу въ Перѣ. Внутренность отдѣлана по-Европейски, но аляповато, и залы, за отсутствіемъ всякой мебели, представляютъ видъ концертныхъ залъ; замѣчательно лишь обиліе свѣта въ этомъ дворцѣ и еще отчасти аудіенць-залъ; кіоскъ, выходящій на Босфоръ, состоитъ весь изъ одной комнаты. Нынѣшній Султанъ проводитъ здѣсь весну и осень. Кромѣ дворца, въ Бешикъ-

таши достойна вниманія Политехническая Школа, основанная покойнымъ Султаномъ : здѣсь находится до 300 учениковъ, назначаемыхъ въ военную школу. Разумѣется, что объ успѣхахъ этихъ учениковъ никто ничего не вѣдаетъ. Изъ Бешикъ-таши ежегодно 12-го Реждеба отправляется въ Мекку *сурре-и-гумаюкъ* (августѣйшій кошелекъ) — подарки Султана Меккской мечети, сопровождаемые богомольцами.

У Бешикъ-таши, по извѣстiю Михаила Дуки, Султанъ Мухаммедъ-Завоеватель приказалъ перетащить черезъ горныя вершины легкiя свои суда изъ Босфора въ Золотой Рогъ, что рѣшило участь Константинополя. Это событiе не напоминаетъ ли намъ, Русскимъ, сухопутное шествiе лодiй Олеговыхъ къ Царюграду? Вѣроятно, Византийская цѣпь на Босфорѣ у Каваковъ и противныя вѣтры не пустили Русскихъ воителей въ Босфоръ, и легкiя лоды были перетащены, изъ долины близъ Бѣлграда, называемой Донузь-дере (свиная долина), по отлогостямъ и долинамъ, до самаго Золотаго Рога; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ упомянутой долинѣ, по словамъ Турокъ, предполагалась высадка Русскихъ войскъ при Екатеринѣ Великой, а въ 1828 году здѣсь даже стояли лагеремъ Турецкiя войска, въ предупрежденiе Русскаго десанта.

Между Бешикъ-таши и деревней Долма-багче находится школа (медресе) съ надгробной моельней (тюрге) Хайръ-удъ-дина Паша, извѣстнаго у насъ подъ именемъ Барбароссы. Селенiе Долма-багче расположено на красивой долинѣ: оно было особенно оживлено во время свадьбы Халиль-Паши съ Селихе, дочерью покойнаго Султана, когда здѣсь давались великолѣпныя фейерверки, и потомъ во время свадьбы Мхрманъ; нынѣ здѣсь находятся на

скатахъ холмовъ двѣ казенныя оружейныя фабрики, построенныя Султаномъ Махмудомъ II.

Небольшое пространство отдѣляетъ насъ отъ обѣтованнаго конца Европейскаго берега Босфора — отъ предмѣстій Перы и Галаты, гдѣ останавливаются всѣ путешественники, приносимые моремъ и сушею изъ Европы. На этомъ пространствѣ находятся только два предмѣтія: Фундукля и Топхане, надъ которыми, по вершинѣ холмовъ, лежитъ Пера, а къ Топхане примыкаетъ Галата. Я не буду описывать подробно ни Топхане, ни Галаты, ни Перы: это было бы утомительно; ограничусь лишь нѣсколькими чертами.

Топхане (домъ пушекъ) такъ называется отъ большихъ трехъ-этажныхъ артиллерійскихъ казармъ, построенныхъ, по рисунку Тюльери, на самомъ берегу: Султанъ Махмудъ II выстроилъ при нихъ довольно большую и красивую мечеть; кромѣ того здѣсь есть еще заводъ для литья пушекъ, мечеть Піале-Паши съ большимъ и красивымъ фонтаномъ, овощной рынокъ и цѣлая линия маленькихъ заведеній, въ которыхъ работаютъ извѣстныя *стамбулки* (трубки), цѣною отъ 2 коп. до 4 руб. ассиг. за штуку. Въ древности эта мѣстность называлась Меторон (чело), по своей фигурѣ, и здѣсь были жертвенники Аполлона, а въ окрестностяхъ стояли храмы Діаны Фосфорской и Минервы Мирной; теперь же на этихъ мѣстахъ страшная толкотня и грязь около пристани, отъ которой уже начинается туча кудаческихъ кораблей со всего свѣта; на сушѣ кричатъ и снуютъ подлѣ овощнаго базара носмарщники (хаммалы), канкчи (лодочники,) топчутъ лошади и ревуть ослы, и весь этотъ шумъ и крикъ прекращается только на ночь, когда запираются ворота всѣхъ кварталовъ: потому что въ Стамбулѣ заведенъ обычай запираеть каждый квар-

галъ отдѣльно, хотя, не смотря на такія предосторожности и караульныхъ у каждыхъ веротъ, грабежи и убійства здѣсь весьма не рѣдки. Топхане населенъ Турками.

Галата, старинное Генуэзское предмѣстіе, еще донынѣ сохранила стѣны и массивную башню своихъ строителей: съ высоты этой башни видъ на Стамбуль и окрестности очень красивъ. Въ Галатѣ большею частію находятся каменные магазины Европейскихъ купцовъ, Христіанскія церкви; но есть и Мусульманское населеніе и отчасти Еврейское; здѣсь же находится Турецкая таможня и морская канцелярія. Прежде эта мѣстность принадлежала къ Царюграду подъ именемъ Сикены (отъ Греческаго *σικη*, смоква); названіе же Галаты, вѣроятно, дано отъ Галловъ (по-Гречески *Γαλατες*), хотя Эвлия-Челеби и утверждаетъ, что названіе «Галата», значащее будто-бы по-Гречески молоко, произошло отъ пасшихся здѣсь, во время Искендера Греческаго, коровъ, дававшихъ молоко къ царскому столу.

Не буду говорить ничего о главной улицѣ Перы, гдѣ Стамбульская жизнь смотреть немножко по-Европейски, ни о кофейняхъ, ни о большомъ и маломъ «Полѣ мертвыхъ», — лучшихъ мѣстахъ для прогулки, ни объ огромныхъ Турецкихъ казармахъ, передъ которыми Оттоманскіе мальчики-солдаты учатся, на потѣху Европейцевъ, маршировкѣ и даже фехтованью, ни о «текіе» дервишей Мевлеви, ни о казармахъ гальянджи (матросовъ), ни объ огромномъ бассейнѣ для постройки судовъ, ни о казармахъ матросовъ «визамъ-джедида» (реформы), ни о дворцѣ Капудана-Паши (Великаго Адмирала), ни о медицинской школѣ въ Галата-сарай, бывшемъ училищѣ пажей, ни о деревянномъ зданіи Итальянской оперы съ надписью: «Саеи-Абдуль-Меджидъ»: поговоримъ лучше о дворцахъ главныхъ Европейскихъ

посольствъ. Внизу Перы, въ Топхане находится дворецъ Австрійскаго Посольства, — древнее зданіе, наслѣдованное еще отъ Венеціанской Республики; нѣсколько выше выстроенъ въ недавнее время дворецъ Французскаго Посольства, изъ непрочнаго Мальтійскаго камня, давашаго, впрочемъ, по своей мягкости, возможность украсить окна, двери и карнизы дворца узорною рѣзбой, въ которой часто повторяется вензель покойнаго Короля Людовика-Филиппа и Галльскій пѣтухъ. Высшую и самую красивую мѣстность занимает огромный Русскій дворецъ, построенный изъ отличныхъ большихъ камней, въ три высокіе этажа, поражающій своею громадностію всѣхъ, прибывающихъ въ Царьградъ изъ Пропонтиды. Во время моего пребыванія, Русское Посольство жило во дворцѣ еще первую зиму. Съ красивой галереи бельэтажа и съ плоской кровли дворца открывается обширный и очаровательный видъ на Босфоръ, Мраморное море, Царьградъ и окрестности. Постройка такого громаднаго зданія, естественно, должна была возбудить зависть во многихъ и очень многихъ, которые, отъ нечего дѣлать, принялись увѣрять, что Русскіе строятъ здѣсь крѣпость, въ которую возятъ, по ночамъ, съ своихъ пароходовъ, пушки. Какъ ни нелѣпа казалась такая сказка, однакожь, зная еще болѣе нелѣпое легкомысліе Турецкихъ властей, пригласили, по окончаніи дворца, нѣсколькихъ сановниковъ Турецкихъ и показали имъ, подъ видомъ пріятнаго зрѣлища (*тамаша*), всѣ закоулки въ зданіи. По другую сторону улицы находятся еще нѣсколько корпусовъ, занимаемыхъ купеческою Русскою Канцелярією, Почтамтомъ и драгоманами.

Домъ Англійскаго Посольства еще только предполагали строить при мнѣ: огромный пожаръ 1832 года и нѣ-

сколько другихъ истребили почти всю Перу, почему большая часть Посольствъ должны были строиться вновь.

Въ Перѣ есть и Мусульмане, и притомъ еще такіе, которые ведутъ торгъ невольницами-Черкешенками. Названіе Пера есть Греческое и значитъ *напротивъ*; по Турецки это предмѣстіе называется Бей-оглу (Княжескаго сына), по случаю пребыванія въ немъ Императора Алексія Комнина, послѣ паденія Имперіи.

Какую разнообразную и полную контрастовъ картину развилъ передъ нами Европейскій берегъ Босфора: вѣчно-голубое небо, вѣчно-стремящійся куда-то Босфоръ, вѣчно-юная и живописная Природа — и на этой смѣющейся почвѣ столько ниспровергнутыхъ жертвенниковъ древности, столько разрушенныхъ храмовъ Христіанства, столько кровавыхъ воспоминаній торжествующаго Ислама, слѣды перекочевки многихъ милліоновъ изъ одной части свѣта въ другую! Прибавьте къ этому еще многое другое, о чемъ я не могъ и не хотѣлъ упоминать вскользь: бореніе соперничествъ Христіанскихъ, грозу фанатизма Мусульманскаго, который нигдѣ не проявляется съ такою силою и яростію, какъ въ Стамбулѣ, въ виду многочисленныхъ казармъ и неуклюжихъ громадныхъ кораблей, при громѣ Босфорскихъ укрѣпленій, маленькое нахальство Европейцевъ, придирчивость Турецкихъ властей и необузданное буйство Мальтійскихъ бродягъ, въ надеждѣ на пристрастное и непоколебимое покровительство Англій заводящихъ разбои въ самыхъ предмѣстіяхъ Константинополя; частые и огромные пожары; узкія и нечистыя улицы; высокіе деревянные дома, качающіеся отъ вѣтра; стаи собакъ; толпы женщинъ съ закрытыми лицами, оригинальные пестрые костюмы, оригинальный бытъ, ориги-

нальный складъ мысли, однимъ словомъ все оригинальное до брани включительно — и все-же вы еще не будете имѣть понятія о томъ странномъ соединеніи красоты и безобразія, которое представляетъ Стамбулъ путешественнику-наблюдателю.

Но оставимъ общіе очерки и характеристическіе анекдоты до другаго времени и обратимся къ Азіатскому берегу Босфора.

При входѣ съ Чернаго моря здѣсь также возвышается скала, принадлежащая къ группѣ Кіанейскихъ острововъ и упоминаемая еще Страбономъ: берегъ Понта здѣсь скалистъ и дикъ; на немъ стоитъ старинная башня Медеи, нынѣ обращенная въ маякъ, почему и обнаженная деревня и укрѣпленіе, расположенные подлѣ, называются Анатоли-фануси (Азіійскій фаросъ). Не смотря на блѣдные огни, зажигаемые каждую ночь на обонхъ маякахъ, Европейскомъ и Азіатскомъ, кораблекрушенія здѣсь не рѣдки: входъ въ Босфоръ осенью и весной большею частію закрытъ туманами, и притомъ къ Сѣверу отъ входа море имѣетъ сходное очертаніе, такъ что и опытные моряки иногда, вмѣсто Босфора, попадаютъ на скалы. Не задолго до моего приѣзда въ Константинополь одно судно, шедшее, изъ экономіи, безъ всякаго освѣщенія, приняло фонарь какого-то парохода за Босфорскій маякъ и было раздавлено морскимъ бѣгуномъ.

Населеніе Азіатскаго берега начинается нѣсколькими въ безпорядкѣ раскиданными домиками, на горѣ, подлѣ Боръясы-лимана (Борейскаго залива), въ древности Нілон; здѣсь стоитъ главнѣйшее Азіатское укрѣпленіе Босфора, близъ котораго находится другое, покинутое. Далѣе воз-

вышается гора Юросъ, получившая свое названіе отъ «Деронтъ» (священный): потому что по-близости стоялъ знаменитый храмъ Юпитера Уріуса, а искателями золотаго руна здѣсь были воздвигнуты двѣнадцать жертвенниковъ двѣнадцати главнымъ божествамъ. На вершинѣ горы, гдѣ прежде стоялъ Азіійскій маякъ, расположенъ старый замокъ, извѣстный подъ именемъ Генуэзскаго: онъ имѣетъ фигуру неправильнаго параллелограма, въ окружности около трехъ верстѣ; стѣны его, большею частію обвалившіяся, идутъ по скату горы, почти до самаго моря, по временамъ прерываясь круглыми башнями; на самомъ верху находится отдѣльное укрѣпленіе. Надъ дверями въ разныхъ мѣстахъ сохранились донинѣ надписи по сторонамъ символа Христіанства — Креста:

Δ	π		φσ	χϣ
	•			
		и		
μ	σ		φσ	πσ

Архитектура башенъ, уже довольно обвалившихся, напоминаетъ болѣе Византійскую постройку, нежели Генуэзскую; извѣстно, что Халкидоняне и Византійцы долго оспаривали здѣшнее укрѣпленіе, попавшее-было въ руки Венецкаго Государя Прузія.

Довольно углубленный заливъ Кавакъ-лимани (заливъ платана) окаймленъ селеніемъ Анатоли-кавакъ, подъ пару Европейскому каваку, съ укрѣпленіями, построенными въ 1624 году Султаномъ Мурадомъ IV: здѣсь прежде происходили морскія битвы Генуэзцевъ съ Византійцами, а нынѣ останавливаются для осмотра всѣ суда, идущія въ Черное море или только ожидающія попутнаго вѣтра; въ этой же деревнѣ жили Русскіе Офицеры, во время лагер-

ной стоянки въ 1833 году. Далѣе возвышается Исполина гора, — Византійское названіе, измѣненное новѣйшими Греками въ гору могилы Эллина, а Турками — въ Юшадаги (гора Иисуса Навина); высота ея, впрочемъ, не болѣе 186 метровъ надъ морскимъ уровнемъ. На вершинѣ этой горы, называвшейся въ древности Νότα του Ἡρακλέους (Геркулесовы рамена), находится могила Исполина, гдѣ стоитъ маленькая мечеть постройки Султана Османа. Благочестивые Мусульмане придумали, что здѣсь находится могила исполина Юши, упоминаемаго въ Алкоранѣ и соответствующаго библейскому Иисусу Навину, при чемъ Турки прибавляютъ, что Пророкъ Юша былъ посланъ Мусой въ Румелию, гдѣ онъ, во время битвы, остановилъ солнце, что побудило жителей принять Исламъ. Оставляя въ сторонѣ басню о могилѣ Юши на берегахъ Босфора, мы найдемъ источникъ ея въ могилѣ страшнаго Амикуса, побѣжденнаго Аргонавтомъ Поллуксомъ, и, вѣроятно, погребеннаго на этомъ мѣстѣ. Видъ съ Исполиновой горы и обширенъ и великолѣпенъ; однимъ взглядомъ вы окидываете половину Босфора и темную даль Чернаго моря. Эта возвышенная мѣстность избрана Стамбульскимъ начальствомъ для наблюденія за появленіемъ луны въ началѣ и концѣ Рамазана и дождевыхъ тучъ съ Чернаго моря во время лѣтнихъ засухъ.

Подъ горою Юши лежитъ, на берегу Босфора, восхитительное мѣсто для прогулокъ, называемое по-Турецки Сютлидже и сильное укрѣпленіе Маджаръ-кальяси (Мадьярская крѣпость), или Юша-кальяси (крѣпость Юши). Здѣсь поставлено на каменномъ укрѣпленіи 32 пушки, да еще между земляными насыпями 25 пушекъ. Потомъ является памятный для Русскихъ войскъ мысъ Серви-

бурну (мысь кипариса), въ просторѣчи Севли-бурунъ, и дѣльна съ заливомъ Хункаръ-скелеси (пристань Султана): въ этой долинѣ стояли въ 1833 году Русскія войска, пришедшія на помощь Турціи противъ Мегеметь-Али. Въ память пребыванія ихъ, поставлена Султаномъ Махмудомъ небольшая скала, на Мысѣ Кипариса, и на этомъ грубомъ камнѣ, изсѣчены слѣдующіе не очень изящные Турецкіе стихи Пертевь-Эфенди :

Бу сахрае мюсафиръ гельди гетти аскери Руси,
 Бу сенги кухи пейкеръ ядгаръ олсунъ нишанъ калсунъ
 Вефаки девлетининъ бойле дурсунъ севабити мюхкемъ,
 Лисани дустаде дестани чокъ заманъ калсунъ.

Стихи эти значать вотъ что :

На это поле приходилъ и ушелъ гость — Русское войско :
 Этотъ горообразный камень пусть будетъ память, пусть оста-
 нется знакомъ !

Сочувствіе его Правительства пусть будетъ столь же постоянно,
 какъ неподвижныя звѣзды !

Пусть на языкѣ друзей разскажъ объ этомъ останется на долго !

Поэтъ-полиглоттъ, мало извѣстный свѣту, урожде-
 нецъ береговъ Босфора, перевелъ это четырехстишіе такъ
 по-Французски :

L'oiseau des Tzars rasa cette brillante plage.
 Que ce roc colossal se dresse en monument
 Pour raconter aux temps son paisible passage
 Et figurer l'accord de l'aigle et du croissant !

Увы! едва прошло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ
 воздвигнута эта скала, и уже на долинѣ Султана кочева-

ли, какъ друзья Турецкаго Правительства, тѣ самыя войска, которыхъ побѣдоносное шествіе остановилъ великодушно Русскій Государь.

Одна изъ пріятнѣйшихъ и обширнѣйшихъ Босфорскихъ долинъ, Хункяръ-скелеси, большую часть года украшена фіалками, маргаритками, анемонами; по срединѣ ея журчитъ ручеекъ. Но матеріализмъ прокрался и на эту роскошную долину, которую иные сравниваютъ съ адемомъ: на ручьѣ, близъ Босфорскаго берега, стоитъ суконная фабрика, построенная первоначально Султаномъ Селимомъ III для дѣланія бумаги; близъ нея, почти на самомъ берегу Босфора, находится кожевенный заводъ, построенный нынѣшнимъ Султаномъ.

Небольшая деревушка Ялы-кѣй (дачная), сопредѣльна съ красивою деревнею и заливомъ Бейкосъ (большой орѣхъ), расположенной въ зелени виноградниковъ: здѣсь въ древности было мѣстопробываніе бойца-властиеля Веврикійскаго Амикуса, и здѣсь же росъ «бѣшенный лавръ», котораго листья поселяли раздоръ всюду, куда ихъ ни приносили.

Миновавъ нѣсколько мѣстностей мало замѣчательныхъ, остановимся у Азіатскаго залива и прѣсныхъ водъ Азійскихъ.

Анатоли-хисари (Азіатскій замокъ), построенный, по мнѣнію однихъ, Византійцами, а по мнѣнію другихъ—Султаномъ Мухаммедомъ I или Баязидомъ-Молніей, и называвшійся первоначально Гюзель-хисаръ (красивый замокъ), а потомъ Кара-хапусъ (черная тюрьма), состоитъ, также какъ и Европейскій, изъ башенъ, соединенныхъ стѣнами, въ окружности, какъ и тотъ же, около версты, но пре-

данъ на волю времени, такъ что здѣсь нѣтъ даже и пушекъ, а черезъ стѣны выставляются дома стражей, обитающихъ здѣсь въ совершенной безмятежности.

Между Азіатскимъ замкомъ и Кёрююзъ-кей находится покинутый деревянный кіоскъ Хусейнъ-Паши, нынѣ принадлежащій какому-то Армянину: наружность его довольно проста, но внутри расположеніе комнатъ и отдѣлка заслуживаютъ нѣкоторое вниманіе, и потому, не смотря на то, что арабски внутреннихъ покоевъ уже обвалились, мы посѣтимъ это запущенное жилище Османскаго вельможи. Прямо изъ волнъ Босфора вы вступаете въ залъ, центръ котораго занимаетъ мраморный фонтанъ, а по тремъ бокамъ выдѣлись комнаты-фонарики: залъ отдѣланъ рѣзными и раскрашенными арабесками, а потолокъ — золочеными. Сзади зала дверь и лѣстница въ низкій второй этажъ, служившій гаремомъ, въ которомъ есть красивый залъ съ окнами изъ разноцвѣтныхъ стеколъ; подъ гаремомъ расположены комнаты для прислуги, оканчивающіяся низкими деревянными столбами; на дворѣ стоятъ высокіе столбы, на которыхъ шда галерея къ особенному павильону, отдѣланному въ Персидскомъ вкусѣ. Такова большая часть Босфорскихъ кіосковъ.

За Анатольскимъ замкомъ на Азіатскомъ берегу находится цвѣтушая долина «прѣсныхъ водъ». Когда вы плывете по Босфору, то кіоски и густая тѣнь роши на этой долині соблазняютъ васъ противъ воли выйти на берегъ и предаться кейфу, въ который погружены рои Мусульманъ, гуляющихъ здѣсь по Пятницамъ. Эта долина орошается рѣчкою Гѣкъ-су (голубою), по которой и вся мѣстность называется Гѣкъ-су, и ручьемъ Кучюкъ-су (малою рѣчкою), впадающими въ Босфоръ; черезъ нихъ

перекинуты красивые мосты, подлѣ которыхъ расположе- ны кофейни. Между устьями рѣчекъ, на берегу морскомъ, стоитъ, подъ тѣнью тополей, изящный фонтанъ, отъ котораго прямо въ глубину долины, усаженной деревьями, идетъ красивая и широкая аллея. Справа отъ фонтана стоитъ старый Султанекій кіоскъ, построенный Эминъ-Мухаммедомъ Пашей, съ мечетью и казармами; въ глуби- нѣ долины есть другія казармы, а сзади ея лежитъ гора Алемъ-даги (гора міра). До Махмуда I вся эта живописная мѣстность принадлежала Султанамъ; по извѣстію Страво- на, въ Гѣкъ-су водились будто бы небольшіе крокодилы.

Значительная деревня Кандилли слѣдуетъ за доли- ною Прѣсныхъ водъ. Эта красивая деревня, которую Ориенталистъ Гаммеръ ставитъ превыше всѣхъ Босфор- скихъ селеній, расположена, какъ и большая часть здѣш- нихъ деревень, на долинѣ, по горному скату и на горѣ, населена Турками, Армянами и Греками. Турецкое назва- ніе ея Кандилли (ламповая) происходитъ отъ того, что здѣсь ночью зажигались, вокругъ одного кипариса, по при- казанію Султана Мурада, лампы: такъ какъ здѣсь прежде Султаны имѣли дворецъ.

За Вани-кѣй лежитъ долина и деревня Куле-баг- чеси (башенный садъ), иначе Кулели (башенная), такъ на- званная потому, что здѣсь когда-то, на краю долины, стоя- ла древняя мраморная башня, разрушенная Ибрагимомъ- Пашой (по извѣстію Эвлія-Челеби, башня построена Сели- момъ I); кромѣ того здѣсь былъ дворецъ Сулеймана-эль- Кануни (Законодателя, извѣстнаго у насъ подъ именемъ *великоколѣннаго*) и видны донынѣ остатки церкви. Въ де- ревнѣ Кулели находятся огромныя кавалерійскія казармы, построенныя въ 1827 году Хосревъ-Пашой.

Селеніе Бейлеръ-бей (Мнязь Князей) основалось вѣ очень давно, преимущественно со времени Султана Абдуль-Хамида, построившаго здѣсь мечеть, бани и лавки. Главное украшеніе Бейлербея составляетъ дворець, воздвигнутый покойнымъ Султаномъ, — массивное зданіе, котораго главный корпусъ, въ два равные этажа, тянется вдоль Босфора, со множествомъ рѣшетчатыхъ оконъ. Снаружи дворца, состоящаго изъ главнаго корпуса и двухъ крыльевъ, замѣчательна колоннада Дорическаго ордена, съ широкой мраморной лѣстницей, архитравъ съ карнизомъ и балюстрадой, и входъ съ шестью Коринфскими столбами. Внутренность дворца отдѣлана большею частію по-Европейски: здѣсь висятъ огромныя зеркала, красуются дорогія вазы, бьютъ прохладныя фонтаны; сзади дворца, по скату горы, идетъ террасами живописный садъ, открытый любопытнымъ взорамъ. Этотъ дворець лучше Чирагана; въ немъ проводитъ Султанъ лѣто. Къ селенію Бейлербей, мѣстность котораго довольно красива, примыкаетъ деревня Ставрость (крестъ), по-Турецки Иставрость, такъ наименованная потому, что здѣсь, по преданію, Константинъ Великій водрузилъ Св. Крестъ; донынѣ видны здѣсь развалины церкви и монастыря.

Миновавъ нѣсколько мѣстностей, мы достигаемъ наконецъ огромнѣйшаго Азіатскаго предмѣстія — Скутари. Въ древности этотъ городъ назывался Хрисополисъ (золотой городъ), — названіе, причина котораго толкуется различно, и посему я не привожу всѣхъ объясненій; потому онъ былъ прозванъ Скутари, отъ стоявшихъ здѣсь войскъ съ щитами (scutatus); Турки же передѣлали это имя въ Ускударъ. Здѣсь переправлялся десяти-тысячный Греческій корпусъ Ксенофонта; здѣсь оставались Персы;

Аравитяне и Крестоносцы при нападеніяхъ на Византію. Портъ Хрисополиса былъ обширнѣе нынѣшняго, а Филиппъ построилъ здѣсь дворцы и другія зданія; Византійскіе Императоры верѣдко жили въ Скутарскомъ дворцѣ. Нынѣ Скутари составляетъ довольно значительный городъ, въ которомъ находятся бани, базары, благотворительныя заведенія, школы, караванъ-сарай (хане) и нѣсколько мечетей; замѣчательнѣйшія изъ послѣднихъ: Чинили-джами (фаянсовая), построенная въ 1557 году матерью Султана Мурада VI Нурбане-Султанъ; Аясма-джами-си (священнаго родника), построенная Султаномъ Мустафой III; Искеле-джами (пристань), построенная дочерью Сулеймана Михрмахъ Ханымъ-Султанъ, въ 1547 году. Но особеннаго примѣчанія достойна изящная и большая мечеть Султана Салима III, отличающаяся, подобно Махмудовой мечети въ Топхане, обиліемъ красивыхъ арокъ и разныхъ размѣровъ оконъ съ узорчатыми рѣшетками. Скутари преимущественно населенъ торгующими Мусульманами, такъ что здѣсь сосредоточивается караванная торговля Царяграда съ Азіей, какъ въ Галатѣ—морская съ Европой. Сзади Скутари находятся кварталы: Ени-махале (новый) и Салямъ-сизъ (безъ привѣтствія), въ которыхъ живутъ Армяне, имѣющіе здѣсь и школу, а внѣ Скутари лежитъ огромное Мусульманское кладбище съ густою и большою кипарисною рощею. Стамбульскіе Турки преимущественно хоронятъ себя на Азіатскомъ берегу, считая его болѣе приличнымъ для благочестиваго Мусульманина, и даже въ Галатѣ есть пристань, называемая Мейтъ-скелеси (пристань мертвыхъ), перевозимыхъ въ Скутари. Съ Южной стороны Скутари расположены, на прекрасной мѣстности, огромныя каменные казармы,—массивное четвероугольное

зданіе, съ башнями по угламъ, окруженное разными пристройками для конюшенъ и проч. Эти казармы построены Султаномъ Махмудомъ на 6,000 человекъ, но полного комплекта войскъ здѣсь не находится. Къ Востоку за Скутари лежитъ высокая гора Булгурлу (пшеничная), известная своимъ здоровымъ воздухомъ и очаровательными видами, на которой имѣютъ кіоски Султанъ и вельможи Оттоманскіе, и вода которой идетъ для Султанскаго стола; кромѣ того здѣсь замѣчательна Соловьяная долина (Бюль-бюль-дере).

Изъ волнъ Босфора, прямо противъ Скутари, въ ста шагахъ отъ берега, возникаетъ Кызъ-кулеси (дѣвичья башня). Европейцы называютъ ее Леандровой, хотя прославенный Геро переплывалъ Геллеспонтъ, а не Босфоръ. Такъ новое время старалось увѣковѣчить всѣ воспоминанія древности, перенося иногда ихъ и на другія мѣста! Дѣвичья башня воздвигнута Императоромъ Мануиломъ; встарину она носила титулъ крѣпости и соединялась съ сушию мостомъ, остатки котораго примѣтны и донынѣ. Турки, найдя готовую башню и готовое преданіе, оставили за ней прозваніе Кызъ-кулеси, на Востокѣ весьма обыкновенное для всякой невѣдомой башни и даже приложенное у насъ въ Баку къ одному древнему зданію. Покойный Султанъ поправилъ Леандрову башню, которая очень терпитъ отъ лодоса— Южнаго вѣтра, вырывающаго иногда изъ зданія цѣлые камни и виспровергшаго однажды минареть у мечети Селима въ Скутари. Въ настоящее время Дѣвичья башня состоитъ изъ двухъ частей: изъ довольно высокой, массивной квадратной башни съ ровными стѣнами, и примыкающаго къ ней невысокаго зданія съ маленькою башенкой; крыша на главной башнѣ свинцовая.

Въ малой башнѣ зажигается на ночь фонарь: потому что близъ этого берега находятся подводныя скалы и отмели, и Босфоръ нерѣдко покрывается туманами.

Ниже Скутари разстилается обширная долина Хайдеръ-Паши, въ которой, въ мое время, праздновалось бракосочетаніе Мухаммеда-Али, Паши Топханскаго, съ одной изъ сестеръ Султана. На этой долинѣ происходила битва Лидиія съ Константиномъ Великимъ, въ которой возникающее Христіанство восторжествовало надъ дряхлымъ язычествомъ. Нынѣ здѣсь находится обыкновенный Султанскій кіоскъ, на фонтанѣ котораго изсѣчена Турецкая надпись. Чтобы дать идею о надписяхъ подобнаго рода, я представляю полный переводъ ея.

«Господь даровалъ Султана Абдуль-Меджида, источникъ правосудія, живителя Природы и причину бытія существъ. Благородный Халидъ-Ага, сановникъ Султана Селима II, моря милости, воздвигъ этотъ фонтанъ, но онъ разрушился, и Владѣтель міра, обративъ на него свое вниманіе, удостоилъ воздвигнуть его вновь. Да содѣлаетъ Всевышній рѣку величія и могущества сего Царя Царей, даже до Суднаго дня, предметомъ зависти для Тигра и Эвфрата! Пусть онъ найдетъ достойнымъ Союти анаграмму алмаза Зиверъ! Султанъ Абдуль-Меджидъ воздвигъ прекрасный источникъ жизни! 1255 года (гиджры)».

На мѣстѣ древняго Халкидона, ветхаго предшественника Византіи, основаннаго за 685 лѣтъ до Р. Х., столько разъ разрушеннаго Персами, Готами, Аравитянами, и столько разъ возобновленнаго съ новою роскошью, славнаго въ древности своимъ храмомъ Аполлона, а потомъ церковію Св. Евфиміи и Вселенскимъ Соборомъ, нынѣ стоитъ небольшая, но красивая деревушка Нади-кѣй (деревня

судьи, первоначально Гази-кой), населенная Греками, Армянами и Турками. Здѣсь находится новая Греческая церковь во имя Св. Евфиміи, въ которой колонна источаетъ воду и хранится вила, терзавшая Св. Евфимію.

Чтобъ окончить обзоръ Босфорскихъ достопримѣчательностей, немногое остается намъ окинуть взоромъ и припомнить. За Кади-кѣй лежитъ Каламышъ-дере (долина тростника), покрытая красивыми дубами, лавромъ и плодотытыми кустарниками; здѣсь аясма Св. Іоанна Златоустаго, принадлежавшая храму того же Святаго. Нынѣ къ заливу Каламышъ-дере, неглубокому, прѣзжаютъ изъ Константинополя на купанье Европейцы, а у Турковъ есть на эту долину особенная пѣсня «Тюльки». Южную оконечность Азіатскаго берега Босфора составляетъ Фенерь-бурну (мысъ маяка), на которомъ дѣйствительно стоитъ невысокій маякъ. Здѣсь спаслась Іо, обращенная въ корову, здѣсь стоялъ Фаросъ и храмъ Юноны, здѣсь Императоръ Іустиніанъ построилъ церковь Божіей Матери, двѣ часовни, лѣтній дворецъ, портики, базары и бани. Нынѣ въ Фенерь-багчеси (маячномъ садѣ) видны еще ничтожныя развалины, а подлѣ берега находится мраморный бассейнъ: здѣсь воздухъ чудесный, мѣстоположеніе восхитительное, достойно заканчивающее великолѣпный Босфоръ.

Вотъ полный очеркъ — картину назвать не смѣю — богатѣйшаго и роскошнѣйшаго въ мірѣ пролива, который Турецкіе Писатели называютъ «лугомъ морскимъ», а Турецкое Правительство признало официально *главною улицю* Константинополя, какъ города, по преимуществу приморскаго. Все здѣсь соединилось для украшенія упоительнаго пролива: Природа принесла сюда лучшіе свои дары и восхитительнѣйшіе пейзажи, смѣшала здѣсь лавръ съ пла-

таномъ, кипарисъ съ дубомъ, лилію съ анемономъ; Исторія помѣстила на берега Босфора міровыя событія и поэтическіе мѣны; лучшія по красотѣ человѣческія племена, образцы античной Скульптуры, поселились около Босфора. Съ легкой руки Аргонавтовъ, на Босфоръ стекаются одні за другими громадныя арміи завоевателей иль искатели приключеній; съ появленіемъ Грековъ, возникаетъ здѣсь господство языческой религіи, которую побораеъ потомъ Вѣра Христіанская, а въ позднѣйшее время возносится здѣсь на храмахъ Мусульманская луна. И какъ не дорожить Туркамъ такою обворожительною мѣстностію, какъ не гордиться имъ и не считать себѣ лучшею паціею въ мірѣ, глядя на красныя флаги съ луною, развѣвающіеся на всѣхъ укрѣпленіяхъ Босфора, прислушиваясь къ грому пушекъ, разставленныхъ въ тонкихъ и красивыхъ башняхъ батарей! Но неужели кровавое знамя навсегда водрузилось на этихъ берегахъ, и неужели здѣсь суждено гремѣть только Мусульманской пушкѣ?.. Никто не хочетъ этому вѣрить, а меньше другихъ вѣруютъ въ это Турки, непрерывно ожидающіе исполненія стариннаго предсказанія о пришествіи русскихъ побѣдителей съ Сѣвера...

11 Іюня я получилъ давно-ожиданное дозволеніе присоединиться къ свитѣ Его Императорскаго Высочества. Великій Князь въ этотъ день изволивъ обозрѣвать самый Константинополь, началъ съ главнѣйшихъ его зданій. Чтобы лучше ознакомиться съ предметами Царяграда, Его Высочество совершилъ путь отъ дома Посольства, черезъ Перу и Топхане, пѣшкомъ, до набережной у казармы Топханской, откуда, на посольскомъ каніѣ, переправился черезъ Золотой Рогъ въ Константинополь, къ пристани Багче капуси, гдѣ многочисленное стеченіе

народа ожидало приѣзда Русскаго Царевича. Путь отъ пристави до ближайшей замѣчательной мечети «Султанъ-Валидъ» (матери Султана), или «Ени-джами» (Новой), Его Высочество изволилъ опять пройти пѣшкомъ. На дворѣ мечети произошла большая тѣснота отъ собравшагося народа, Христіанъ и Турокъ, изъ которыхъ многіе насильно проскользнули въ мечеть въ то время, какъ свита Посольства проходила въ слѣдъ за Великимъ Княземъ.

«Ени-джами» принадлежитъ къ числу не самыхъ большихъ мечетей, хотя также носитъ титулъ «Султанской». Она— средней величины, построена по общимъ правиламъ Константинопольской архитектуры, которыя для мечетей заключаются въ слѣдующемъ: основной корпусъ, имѣющій фигуру не очень длиннаго параллелограма, сводится вверху, въ срединѣ зданія, большимъ куполомъ, который лежитъ на четырехъ толстыхъ столбахъ внутри зданія, и къ которому примыкаютъ съ четырехъ сторонъ или полукуполы, или небольшіе куполы, или наклонъ большія арки. Первообразомъ для Стамбульской мечети служилъ храмъ Св. Софіи, плоскій куполъ котораго повторяется на всѣхъ главныхъ мечетяхъ, а подражаніе Константинопольскимъ мечетямъ встрѣчается даже въ нѣкоторыхъ городахъ Малой Азіи, на-прим. въ Діарбекирѣ. Подъ куполомъ, въ архитравѣ, а также въ четырехъ бокахъ мечети, продѣлывается множество оконъ, преимущественно съ полукруглымъ Византійскимъ сводомъ, а главный куполъ поддерживается съ боковъ откосами; нерѣдко, какъ на-прим. въ мечети Селима, въ Скутари, и Махмуда, въ Топхане, на углахъ зданія стоятъ башенки, такъ живо напоминающія постройки Христіанскихъ храмовъ; въ Сулейманіэ же и въ Ени-джами этихъ башенокъ поставлено нѣсколько въ линію,

одна надъ другой. Османскіе минареты очень красивы: тонкіе, стрѣльчатые, круглые, съ нѣсколькими галереями (шурфе), они смѣлою-линіею возносятся вверхъ.

Снаружи Ени-джами отличается большимъ плоскимъ куполомъ, котораго очертаніе, довольно смѣлое, не очень, впрочемъ, красиво; двухъярусная галерея примыкаетъ сбоку къ мечети, надъ нею находится еще ярусъ съ аркадами, надъ нимъ еще и еще, такъ что снаружи вы видите шесть ярусовъ, обозначаемыхъ окнами, которыя, впрочемъ, малы, отъ чего въ мечети довольно темно. Внутренность Ени-джами походитъ на внутренность Софійскаго храма: съ трехъ сторонъ — сторона «михраба» (Меккская) выключается — идутъ во второмъ ярусѣ широкіе хоры, примыкающіе къ четыремъ основнымъ столбамъ или аркамъ главнаго купола и поддерживаемые кромѣ того тонкими каменными колоннами; въ углу лѣваго хора, близъ михраба, находится, за золотой рѣшеткой, Султанская лѣжка въ которой онъ присутствуетъ по Пятницамъ. Отдѣлка мечети довольно красива: толстые, квадратные столбы, поддерживающіе главный куполь, покрыты до втораго яруса Персидскимъ узорнымъ изразцемъ; на входной сторонѣ хоры поддерживаются шестью древними Греческими круглыми колоннами, мраморными и порфировыми, изъ коихъ двѣ среднія довольно толсты, и по сторонамъ ихъ находится по двѣ тонкія. Кромѣ обычнаго Турецкой мечети «шембера» (галереи для возгласителя), стоящаго всегда съ правой стороны «михраба» (углубленія для храненія Алкорана), и платформы для «софтовъ» (духовныхъ студентовъ), въ Ени-джами у правой стѣны находятся еще Султанскія гробницы. Мраморной отдѣлки въ зданіи мало: Ени-джами построена матерью Султана Махмуда, на ея

вдовьи деньги, и какъ мужа оставляютъ женамъ въ Турци, по своей кончинѣ, деньги на башмаки, то и самая мечеть иногда называется въ народѣ *мечетью башмаковъ*.

Отъ мечети Валидэ-Султанъ Его Императорское Высочество изволилъ отправиться на площадь къ Старому дворцу, гдѣ находится весьма красивый фонтанъ, построенный Ахмедомъ III, сходный по архитектурѣ съ Топханскимъ фонтаномъ, украшенный безчисленными арабесками. Съ этой площади Великій Князь вступилъ, черезъ боковыя двери, въ славный храмъ Св. Софіи, обращенный въ мечеть и составляющій гордость и украшеніе Стамбула (*). Несмѣтная толпа Константинопольскихъ Грековъ ожидала съ нетерпѣніемъ этой минуты, и едва Его Высочество изволилъ спуститься по лѣстницѣ въ храмъ, какъ Греки — раи, жаждавшіе побывать въ Св. Софіи вмѣстѣ съ Сыномъ Русскаго Царя, стремглавъ кинулись внизъ, и отчаянною толпою ворвались въ мечеть, которой не могли отстоять ни кавасы, ни муллы; наконецъ принуждены были запереть двери.

Съ тѣхъ поръ, какъ я посѣтилъ храмъ Св. Софіи, въ немъ произошло довольно перемѣнъ: нашъ Архитекторъ Фоссати открылъ замазанные фрески, реставрировалъ многія части и, главное, издалъ великолѣпные планы и рисунки этой базилики, такъ что теперь каждый имѣетъ возможность изучить знаменитый Христіанскій храмъ. Въ 1845 году, чтобъ понять и оцѣнить красу и великолѣпіе Св. Софіи, нужно было побывать въ храмъ раза четыре: такъ Турки перепутали и обезобразили Византійскую базилику

(*) Всего въ Константинополѣ 44 церкви обращены въ мечети, да и большая часть Мусульманскихъ мечетей построены Греческими Архитекторами.

своими пристройками, которыя снаружи совершенно за-
 слоняють главныя части храма и отнимають у него вели-
 чественный видъ ; даже самый куполь, эта плоская чаша,
 это чудо Христіанскаго Искусства, не представляется сна-
 ружи ничѣмъ необыкновеннымъ. Особенно безобразятъ
 видъ храма высокіе конترفорсы, далеко выдавшіеся впе-
 редъ, неуклюжія башенки и аркады ; притомъ же около
 Ая-Софіи, какъ-называютъ ее Турки, построено очень мно-
 го зданій, закрывающихъ видъ храма и вблизи и вдали. У
 Софійской мечети по угламъ четыре высокіе минарета, а
 на дворѣ находятся жилища муллъ, софтовъ и «хадамъ» —
 причта, который при этой мечети простирается до 2,000
 человекъ. Кромѣ того здѣсь находятся мавзолей Султановъ
 Селима, Мурада III, Мухаммеда III и Мустафы I съ гроб-
 ницами этихъ Султановъ и множества Султаншъ и При-
 цовъ.

Вступивъ во внутренность Ая-Софіи, долго не пони-
 маешь главныхъ частей зданія, долго не знаешь, на что
 преимущественно обратить вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ
 мечети довольно темно отъ пристроекъ, заслонившихъ свѣ-
 ту входъ въ зданіе. Наконецъ, послѣ общаго обзора храма,
 уразумѣешь, что главный корпусъ его также имѣетъ фигу-
 ру параллелограмма ; что здѣсь средній куполь также ле-
 житъ на четырехъ двойныхъ четвероугольныхъ аркахъ ;
 что малые куполы покрываютъ приделы, примыкающіе
 къ центральному зданію. Прежде всего взоръ невольно
 останавливается на громадномъ и смѣломъ куполѣ, кото-
 рый, словно горизонтъ, накрываетъ смущеннаго зрителя ;
 не смотря на то, что этотъ куполь въ размѣрѣ уступаетъ
 куполу Іерусалимскаго храма, недостижимо плоское очер-
 таніе его производитъ удивительный эффектъ. Снаружи

обложенный свинцомъ съ посеребренными выкладками, куполь внутри покрытъ разноцвѣтною Византійскою мозаикой съ позолотой; въ центрѣ помѣщена въ кругу крупная Арабская надпись, низъ же купола обведенъ рядомъ оконъ съ маленькими хорами, а снаружи окна раздѣлены откосами. Подъ куполомъ аркады съ двухъ сторонъ усѣяны окнами въ четыре ряда, а въ углахъ между арками видны четыре большіе Херувима, которыхъ Османское искусство преобразило въ Джебраиля, Михаила, Асрафиля и Азраиля. Два огромные яруса, изъ широкихъ хоръ, находятся подъ аркадами: эти хоры во всю длину поддерживаются, между главными арками, множествомъ античныхъ колоннъ изъ мрамора, порфира и яшмы. Величественный и навсегда памятный видъ представляется, когда стоишь по срединѣ храма и смотришь на громадный куполь и изумительные хоры съ безконечнымъ рядомъ колоннъ: это небо, по крайнъ котораго рисуются радуги, и подъ ними сбѣгаютъ съ выси, въ лабиринтѣ арокъ и архитравовъ, массивныя колоннады. Въ придѣлѣ, гдѣ находится михрабъ, къ накрывающему его куполу приставлены еще три малые полукупола, подъ которыми съ боковъ опять въ два яруса хоры съ колоннами, а надъ михрабомъ, вмѣсто колоннъ, два ряда оконъ. Мемберъ и михрабъ въ Ая-Софи сдѣланы изъ мрамора, съ рѣзными, удивительно-мелкой работы арабесками; кромѣ того къ четыремъ аркамъ, на которыхъ висятъ крупныя надписи изъ Алкорана, прикинуты четыре платформы для софты.

Къ главному корпусу, сейчасъ мною описанному, примыкаетъ нѣсколько придѣловъ разной величины и формъ, въ которыхъ не трудно и потеряться: въ одномъ изъ нихъ находится глубокий колодезь, содержащій воду

для омовеній; о другомъ придѣлѣ рассказывали, что будто бы въ немъ стоитъ въ полномъ облаченіи Греческое Духовенство въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ застали его Турки Мухаммеда-Завоевателя; что теперь этотъ шитворъ потому задѣланъ, что всякій, заглядывавшій въ него, схидилъ съ ума, и что только появленіе Христіанскихъ воителей въ Царѣградѣ можетъ разбудить Духовенство для окончанія начатой Литургіи. Во время поправокъ Г. Фоссати, этотъ придѣлъ былъ открытъ на нѣсколько времени, но ничего замѣчательнаго въ немъ не оказалось. Кромѣ многочисленныхъ придѣловъ, находятся еще подъ самымъ зданіемъ пещеры и подземные ходы, и самый «ере-батанъ-сарай» подходитъ отчасти подъ Іустиніанову базилику. По словамъ Эвлия-Челеби, въ описаніи котораго приведено число всѣхъ дверей и оконъ Ая-Софіи, въ подземельяхъ находится вода и хранятся лодки, въ которыхъ плаваютъ, для починки поврежденныхъ въ фундаментѣ или полу мечети. Внутренность Св. Софіи необъятна, — особенно когда смотришь съ хоръ, откуда люди кажутся зернышками; впечатлѣніе на посѣтителя храмъ производитъ глубокое, но я не могу сравнить этого впечатлѣнія съ тѣмъ чувствомъ невольнаго умиленія и сознанія своего ничтожества, которое нисходитъ на васъ при поклоненіи во храмѣ Іерусалимскомъ: даже самые размѣры Іерусалимской главной ротонды поражаютъ болѣе, нежели внутренность Софійской мечети.

Извѣстно, что въ Ая-Софіи стѣны были покрыты, при Византійскихъ Императорахъ, мозаичными изображеніями Святыхъ, которыя, по взятіи Царяграда Мухаммедомъ II, закрыты штукатуркой и забѣлены. Но во многихъ мѣстахъ штукатурка уже обвалилась (что подало поводъ къ замѣчанію: «штукатурка Турка здѣсь не прочна») и обнару-

жила отчасти Византійскую мозаику, которую съ особеннымъ вниманіемъ изволилъ разсматривать Его Императорское Высочество. Въ послѣдствіи времени всѣ фрески были обнаружены на нѣкоторое время нашимъ Архитекторомъ Фоссати.

По обозрѣніи Софійской мечети, Его Высочество изволилъ отправиться въ Старый дворецъ Султана, обнесенный стѣной, состоящей изъ многихъ отдѣльныхъ корпусовъ и зданій и занимающей огромное пространство (около 6 верстъ въ окружности) на мысу «Сарай-бурну» (дворцовомъ), между Пропонтидою и Золотымъ Рогомъ, гдѣ стояла древняя Византія и гдѣ потомъ было помѣщеніе для Духовенства Св. Софіи, и отчасти дворецъ Византійскихъ Императоровъ. Главный входъ находится съ площади подлѣ Ая-Софіи, гдѣ стоитъ фонтанъ Ахмеда. Большія ворота, называемыя «Бабъ-и-гумаюнъ» (августѣйшія), продѣланы въ высокой, квадратной, почти безъконной башнѣ, которая напоминаетъ «Аля-капы» въ одномъ изъ дворцовъ Испаганскихъ. За этими воротами, построенными Мухаммедомъ-Завоевателемъ, представляется въ лѣвой сторонѣ обширный, продолговатый дворъ, одну сторону котораго занимаютъ арсеналъ и монетный дворъ, а другую—разныя «диваны»—присутственныя мѣста,—находящіяся въ деревянныхъ длинныхъ и высокихъ зданіяхъ, болѣе похожихъ на сарай; между ими есть проѣздъ на боковую площадь, возвышенную на берегу Пропонтиды и установленную съ лѣвой стороны дворцовыми зданіями. Этотъ первый дворъ Его Высочество и вся свита проѣхали на коняхъ, но у среднихъ воротъ «орта-капы», сообразно Турецкому этикету, Его Высочество изволилъ сойти съ коня, и вся свита вступила за Великимъ Княземъ пѣш-

комъ на второй дворъ: ни «бабъ-и-гумаюнъ», ни «орта-капы» ничѣмъ не привлекаютъ на себя вниманіе: это — простые проходы, въ которыхъ на стѣнахъ намазаны безобразные ландшафты, составляющіе предметъ остротъ стоящаго тутъ караула, но иногда представляются здѣсь иные виды: у Бабъ-и-гумаюнъ • на первомъ дворѣ выставляють головы казненныхъ преступниковъ.

Первый дворъ предоставленъ низшимъ государственнымъ учрежденіямъ, второй же — Великому Визирю. Здѣсь, на лѣвой сторонѣ, находятся небольшія зданія для прислуги, а въ переднемъ углу — небольшой, чрезвычайно красивый павильонъ, который состоитъ въ связи съ внутренними зданіями дворца и передъ которымъ приглашаетъ къ отдыху отъ дневнаго жара купа деревьевъ. Павильонъ раздѣленъ на двѣ комнаты, передъ которыми находится широкій навѣсъ, поддерживаемый колоннами, соединенными рѣшеткою; навѣсъ украшенъ разноцвѣтною мелкою рѣзбою, равно какъ и самыя двери, ведущія въ аудіенцъ-залы Великаго Визиря; полъ же подъ навѣсомъ мраморный. Эти двѣ аудіенцъ-залы отдѣланы роскошно: стѣны до половины выложены большими полированными яшмовыми плитами, выше которыхъ — увы! — намазаны на стѣнахъ чрезвычайно тщательно, но съ вопіющими ошибками противъ живописи, замысловатые ландшафты; потолокъ унизанъ разноцвѣтными съ позолотой арабесками, полъ же каменный. Вокругъ стѣнъ идутъ низкіе диваны, а въ задней стѣнѣ устроена противъ входа небольшая клетка съ густыми рѣшетками. Отсюда Султанъ наблюдалъ и слушалъ переговоры Великаго Визиря съ иностранными Послами, которыхъ одѣвали въ этой аудіенцъ-залѣ въ Турецкія шубы и потомъ уже допускали предъ

лицо Оттоманскаго владыки. Тѣ, которые имѣли случай посѣтить Бахчисарайскій дворецъ, припоминаютъ, вѣроятно, подобный же приѣмный залъ Ханскаго Визиря и въ этомъ дворцѣ.

• Второй дворъ отдѣляется отъ третьяго рядомъ простыхъ комнатъ, назначенныхъ для прислуги, гдѣ, между прочимъ, есть небольшая молеельня. Стѣитъ еще упомянуть о томъ страшномъ обычаѣ, котораго нынѣ, кажется, уже не существуетъ: на второмъ дворѣ, называемомъ «капы-араси» (между-дверье), жили прежде исполнители казни для преступниковъ сераля: трупы относились въ кіоскъ на берегу моря и ночью сдавались лодочникамъ, бросавшимъ ихъ въ воду, при уныломъ звукѣ одинокаго выстрѣла, возвѣщавшаго правосудіе Султана. Великолѣпный входъ съ широкимъ навѣсомъ, называемый «дери-саадетъ» (дверь-блаженства), ведетъ со втораго двора на третій; навѣсъ украшенъ разноцвѣтными съ позолотой арабесками, а по сторонамъ входа изображены, въ Восточномъ вкусѣ, нескончаемыя колоннады. Изъ-подъ этого навѣса, гдѣ встрѣтили Августѣйшаго Посѣтителя дворцовые евнухи, очень хорошъ видъ на третій дворъ и внутреннее отдѣленіе дворца.

На третьемъ дворѣ, похожемъ на дворы Персидскихъ дворцовъ тѣмъ, что онъ обведенъ комнатами, прежде всего представляется взорамъ Султанскій аудіенць-залъ — небольшой павильонъ, раздѣленный на двѣ половины: въ лѣвой, большей половинѣ, довольно темной, стѣны которой покрыты красивыми изразцами, стоитъ, въ лѣвомъ углу, возвышеніе съ навѣсомъ, составляющее тронъ Султанскій, котораго тонкія столбики унизаны разноцвѣтными камешками и стеклярусомъ. Подлѣ трона — высокій Восточ-

ный камень, весь изъ мѣди, съ тонкой рѣзбою, представляющей самыя затѣйливыя арабески: не лѣзя довольно надивиться красотѣ и изяществу этой рѣзбы, продолженной и на самой стѣнѣ. Въ этотъ залъ вводили прежде иностранныхъ Пословъ «чухадарь» (гардеробщики), для аудіенціи съ Султаномъ, во все время которой они держали Посланника подъ руки въ предупрежденіе того, чтобъ онъ не покусился на жизнь Османскаго Монарха. По правую сторону входа есть двѣ маленькія комнаты для высшей дворцовой прислуги. Отъ аудіенцъ-зала идетъ дорога нѣсколько, влѣво къ подобному же зданію, въ которомъ помѣщается Султанская бібліотека: это продолговатый павильонъ, обведенный вокругъ террасой; въ него, ведетъ двойная мраморная лѣстница, очень красивая, выгнутой эллиптической формы, какъ вообще всѣ мраморныя лѣстницы этого дворца. Внутренность составляетъ одинъ большой залъ, въ которомъ съ двухъ сторонъ, въ маломъ отдаленіи отъ стѣнъ, стоятъ шкапы съ Мусульманскими рукописями, лежатъ на полу большая родословная карта Османскихъ Султановъ съ изображеніями ихъ, а на столѣ стоятъ незаѣйливыя часы и проч. Въ шкапахъ хранится до 1,500 рукописей, между которыми почти нѣтъ ни одной замѣчательной: большею частію это богословскія сочиненія, а между авторами большинство принадлежитъ Союти. Кромѣ Мусульманскихъ сочиненій, другихъ нѣтъ; но идетъ молва, впрочемъ, болѣе чѣмъ достовѣрная, что въ одномъ изъ подземелій дворца находятся Греческія рукописи, только цѣнность ихъ сомнительна.

Отъ бібліотеки Августѣйшій Посѣтитель изволилъ спуститься внизъ по двору, а по лѣстницѣ, устроенной въ стѣнѣ, вступилъ на террасу, на коей стоитъ запертый кі-

оскъ, называемый Багдадским : потому что Султанъ Мурадъ IV построилъ его въ память Багдадской экспедиціи. Снаружи этотъ кіоскъ совершенно походитъ на «Куляги-Френги» (Франкскую шляпу) Персидскихъ дворцовъ, о которой не разъ упоминается въ моемъ «Путешествіи по Сѣверной Персіи». На этой же обширной террасѣ находится литая изъ мѣди небольшая бесѣдка, по срединѣ террасы бассейнъ, а на противоположномъ концѣ, ближе къ библіотекѣ, — Эриванскій кіоскъ. Внутренность кіоска состоятъ изъ галереи съ террасою; сбоку галереи находятся двѣ комнаты съ Персидскими окнами изъ разноцвѣтныхъ стеклышекъ и съ Азіатско-Европейскою мебелью. Здѣсь совершается «суннетъ» (обрѣзаніе) наследника Турецкаго престола. Съ другой стороны галереи находится знаменитая «хирка-одаси» (комната мантий) лже-пророка Мухаммеда : здѣсь хранится чтимая Мусульманами мантия, которую разъ въ годъ вынимаютъ, моютъ, и воду, служившую для мытья, гофмейстеръ разсылаетъ въ маленькихъ стеклянкахъ за печатью ко всѣмъ главнѣйшимъ сановникамъ. Снаружи хирка-одаси висятъ планы и виды Мекки, Медины и Каабы, въ большомъ и маломъ размѣрахъ, Турецкой работы. Насупротивъ хирка-одаси находится залъ, котораго стѣны увѣшаны снаружи старинными ружьями, въ красныхъ чехлахъ.

Кіоски Багдадскій и Эриванскій расположены на возвышенной мѣстности, спускающейся скатомъ къ морю, и потому они видны съ Воефора, Золотаго Рога, изъ Перы, Скутари и другихъ мѣстъ.

Съ террасы Его Высочество изволилъ спуститься сначала по небольшому двору, на коемъ стоитъ въ срединѣ красивая Греческая колонна, слывающая подъ именемъ Тео-

досіевой, а потомъ, по другому большому двору, къ новому отдѣленію дворца, построенному покойнымъ Султаномъ Махмудомъ на самомъ берегу Босфора, на мѣстѣ, гдѣ стояло, во времена Византійцевъ, укрѣпленіе Св. Димитрія. Здѣсь прежде всего представляется садъ съ цвѣтущими кустарниками, съ оранжереею и бассейномъ, въ которомъ плаваютъ золотоперыя рыбки; за тѣмъ слѣдуетъ другой садъ, выложенный камнемъ (какая странная фантазія!), и наконецъ расположено новое отдѣленіе дворца, состоящее изъ множества разнаго рода комнатъ и залъ, расположеніе которыхъ весьма трудно понять съ перваго раза. Почти въ центрѣ отдѣленія находится крестообразный залъ, въ углахъ котораго четыре комнаты, украшенный Европейскими зеркалами, столомъ и часами. По правую сторону этого зала заслуживаетъ вниманіе круглый голубой залъ, красивой отдѣлки, съ большими зеркалами, отъ котораго идетъ къ верху самое завѣтное отдѣленіе дворца и вмѣстѣ съ тѣмъ, къ общему удивленію, едва-ли не самое жалкое: это гаремъ. Тѣ, кому Востокъ знакомъ по наслышкѣ, привыкли съ названіемъ гарема соединять что-то оборотительное, усыпляющее и умъ и чувства: въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей истины. Конечно, гдѣ же быть лучшему гарему, какъ не во дворцѣ Оттоманскаго Султана, повелителя двухъ материковъ и двухъ морей, а между тѣмъ это предположеніе нисколько не оправдывается. Гаремъ состоитъ изъ длиннаго корридора, по обѣимъ сторонамъ котораго расположены комнаты «кадынь» или «хассеки» (Султанскихъ женъ) и «гедикли» или «одалыкъ» (горничныхъ), какъ будто номера для пріѣзжающихъ въ гостинницахъ. По случаю переѣзда Султана на весеннее пребываніе въ Бейлербейскій дворець, всѣ двери были на-глухо заколо-

ченны, но дворцовые служители выломали одну дверь, на которой была надпись: «Бя господства, царственной главной кадъни». Это комната съ выбѣленными стѣнами, въ которыхъ устроены Персидскія «тахчи» (ниши), а на одной виситъ лубочный Турецкій рисунокъ идущаго пархода; посрединѣ комнаты стоитъ огромный диванъ, коекакъ сколоченный изъ грубыхъ, нестроганныхъ досокъ, на которомъ валяются дырявые тюфяки, набитые хлопчатой бумагой. Неопрятность соединяется здѣсь съ дурнымъ воздухомъ, и таковы всѣ остальные комнаты одалыкъ, за исключеніемъ отдѣленія Султанши, состоящаго изъ комнаты и бани. Комната довольно красива, а въ тахчахъ за стеклами видны богатые приборы для письма, разные книжалы, кошельки и проч.; баня же Султанши раздѣлена на переднюю комнату и собственно баню, — обѣ маленькія, съ мраморнымъ поломъ и мраморными бассейнами.

Въ лѣвую сторону отъ центрального зала, ближе къ Золотому Рогу, заслуживаетъ сначала вниманіе довольно большая комната, съ огромнымъ мраморнымъ каминомъ, изящной Восточной рѣзбы; далѣе примѣчательнѣе огромный параллелограмный въ Европейскомъ вкусѣ залъ, котораго потолокъ покрытъ разноцвѣтными рѣзными арабесками съ позолотою. Отъ него идетъ анфилада богато отдѣланныхъ покоевъ, замыкаемая заломъ-кіоскомъ, выдающимся на Босфоръ; въ кіоскѣ, также роскошно отдѣланномъ, стоятъ большіе часы съ музыкой и большой органъ. Подлѣ этого отдѣленія находится Султанская баня, которая и чище и красивѣе гаремной и раздѣлена на три части: передбанникъ съ широкимъ диваномъ и наконецъ баня съ мраморными бассейнами, фонтанами, изящными рѣзными арабесками, освѣщаемая изъ купола. Далѣе къ Золото-

му Рогу помѣщается, въ широкомъ корридорѣ верхняго этажа, картинная галерея Султана: здѣсь съ одной стороны идутъ окна, а съ другой на стѣнахъ висятъ картины, рядъ которыхъ отъ дверей начинается огромнымъ морскимъ видомъ Французскаго живописца Гюдена, за коимъ слѣдуютъ изображенія охоты, битвъ Наполеона, морскихъ сраженій, — большою частию литографіи, иногда раскрашенные, и между ими есть очень, очень плохія. Наконецъ крайнюю часть этого отдѣленія, у Золотаго Рога, занимаетъ внизу, на берегу моря, кіоскъ-залъ, съ фонтанами разныхъ видовъ, отъ которыхъ въ жаркую пору очень прохладно. Здѣсь Его Высочество Великій Князь изволилъ отдыхать послѣ утомительнаго обозрѣнія столькихъ залъ и комнатъ, а придворные Турецкіе воспользовались этимъ отдохновеніемъ, чтобъ поднести Его Высочеству цвѣтовъ и фруктовъ изъ дворцовой оранжереи.

Весьма трудно составить себѣ общую идею о главномъ жилищѣ Оттоманскаго Султана. Безспорно, что Стамбульскій дворецъ далеко уступаетъ въ богатствѣ и разнообразіи отдѣлки даже второстепеннымъ Европейскимъ дворцамъ: меблировка комнатъ заключается въ полу-Европейскихъ, полу-Азіатскихъ диванахъ, между которыми иногда мелькаютъ кресла довольно грубой работы и Европейскія зеркала, а отдѣлка и украшенія комнатъ ограничиваются небольшою позолотой и раскрашенной рѣзбой; часы и органы въ залахъ довольно обыкновенны, а картинная галерея даже поразительно-плоха и безвкусна. Но, оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что дворецъ стоялъ въ это время пусть и что, слѣдовательно, многого въ немъ могло не доставать, не лзя не восхищаться нѣкоторыми залами и кіосками, Восточный уборъ и мраморная отдѣлка кото-

рыхъ носятъ на себѣ отпечатокъ оригинальнаго вкуса. Сравнивая дворецъ Османскаго Султана съ Персидскими дворцами, я не могу не отдать первому пальмы первенства: здѣсь и матеріалъ постройки, и чистота работы, и богатство отдѣлки прѣвосходятъ тѣ же свойства въ лучшихъ Испанскихъ дворцахъ; только Стамбульскому дворцу не достаетъ грандіозности, и ни одинъ залъ, ни одно отдѣленіе не поражаютъ величіемъ размѣровъ. Удивительно еще то, что Османскій геній нигдѣ не проявилъ себя здѣсь: всѣ зданія дворца построены подѣ влияніемъ или Византійскаго, или Мавританско-Персидскаго или наконецъ Европейскаго вкуса. Турки, по справедливому замѣчанію, расположившіеся въ Европѣ только на кочевку, не сдѣлали ничего для Искусства или для комфорта: нынѣшніе Стамбульскіе дома построены большею частію на фундаментахъ Византійскихъ и даже самое направленіе улицъ верѣдко остается то же, какое было назадъ тому десять вѣковъ. Незначительныя измѣненія въ постройкѣ домовъ и мечетей, принесенныя Мавританскимъ Искусствомъ въ Царьградъ, въ сущности не противорѣчатъ замѣчательному факту, что Стамбульскіе дома строятся по тому же плану и изъ того же деревяннаго матеріала, какіе были и во времена Византійскихъ Императоровъ, такъ что «конакъ» Паша есть только воспроизведеніе дома Византійскаго вельможи. Самое сословіе строителей состоитъ лишь изъ Христіанъ-раія, слѣдующихъ во всемъ правиламъ, перешедшимъ къ нимъ по преданію отъ Византійскихъ предковъ...

Внизу дворца находятся огороды, доставляющіе припасы для дворцоваго стола, а на верху огромный «мейданъ» (площадь) для воинскихъ упражненій; съ одной стороны его растутъ огромныя сосны, а далѣе выдается на море тер-

раса, съ которой также когда-то кидали трупы серальскихъ жертвъ, уносимые морскимъ теченіемъ.

Съ площади на первомъ дворѣ находится въ углу Византійская церковь Св. Ирины, обращенная Турками въ арсеналь. Церковь эта имѣетъ общую форму Византійскихъ храмовъ — продолговатаго пораллелограма, раздѣленнаго боковыми колоннами на три отдѣла, которые, равно какъ и самый алтарь, остались здѣсь безъ великаго измѣненія; надъ колоннами идутъ вверху широкіе хоры. Но, вмѣсто Христіанскаго алтаря, нынѣ въ этомъ здавіи помѣщается Султанскій арсеналь: при самомъ входѣ стоятъ фигуры въ латахъ, весь низъ увѣшанъ небольшими топорами, могущими служить для защиты при осадѣ дворца, на мѣстѣ же алтаря стоятъ огромные барабаны; тутъ же, близъ цистерны, находится нѣсколько стволовъ, соединенныхъ къ одной затравкѣ. Надъ колоннами расположены латы и кольчуги разной величины, на хорахъ множество ружей, выше которыхъ опять висятъ кольчуги, латы и знамена; во второмъ же ярусѣ алтаря, нѣсколько выше хоръ, находится главное оружейное хранилище, а надъ нимъ еще ярусъ въ алтарѣ, для щитовъ и шишаковъ. Въ главномъ хранилищѣ, кромѣ превосходныхъ кольчугъ, шишаковъ, мечей, шашекъ, хранятся за стекломъ, въ особенныхъ ножнахъ, три меча, всѣ отличной стали, огромные и тонкіе до того, что трепещутъ въ рукѣ какъ пила; одинъ изъ нихъ — Халифа Абубекра, одноострый, широкій, а другой — Халифа Омара, обоюдоострый. Въ другомъ ящикѣ, за стекломъ, хранятся ключи всѣхъ крѣпостей Оттоманской Имперіи: отъ Константинополя лежитъ здѣсь семь огромныхъ ключей. Говорятъ, будто бы большая часть имѣющагося здѣсь оружія взята при завоеваніи Царяграда;

но это повѣрье не совсѣмъ справедливо: ибо всѣ видѣнныя мною здѣсь кольчуги украшены Арабскими надписями. Правда, въ отдаленныхъ углахъ находится даже Римское оружіе, но къ нему пробраться было очень мудрено.

Отсюда Его Высочество изволилъ отправиться въ Ахмедову мечеть, стоящую на возвышенной мѣстности, подлѣ «атмейдана» (ипподрома). Снаружи существенное отличіе этой мечети составляютъ шесть минаретовъ, тогда какъ главныя мечети Стамбула имѣютъ не болѣе четырехъ. Султанъ Ахмедъ, желавшій отличить свое зданіе отъ другихъ мечетей, принужденъ былъ, по настоянію духовенства, прибавить два минарета къ Меккской мечети, такъ какъ этотъ первенствующій храмъ Мусульманскій не долженъ ни въ чемъ уступать другимъ. Мечеть Ахмеда, подобно Софійской, отчасти опутана снаружи придѣлками, преимущественно куполами и полукуполами, которыхъ насчитается до тридцати, но далеко уступаетъ Софійскому храму и въ размѣрахъ зданія и въ смѣлости главнаго купола. Внутри она отличается свѣтлымъ и веселымъ видомъ, отъ множества разной формы и величины оконъ и отъ бѣлыхъ стѣнъ; небольшой, но красивый куполъ покоится на аркахъ съ круглыми толстыми пилястрами (всего четыре). Въ украшеніи мечети очень мало пестроты; нѣтъ колоннъ, какъ въ Софійской и Сулеймановской мечетяхъ; мемберъ и михрабъ мраморные, хоры въ аркадахъ огромныя. Съ лѣвой стороны за занавѣсомъ сидятъ студенты богословія, преподаваемого очень громко муллами; Его Высочество изволилъ нѣкоторое время присутствовать на лекціяхъ Османскихъ богослововъ. Въ мавзолеѣ Султана Ахмеда, кромѣ его праха, покоятся дѣти его Османъ II и Мурадъ IV, а также нѣсколько Прин-

цевъ и Султаншъ. По словамъ Эвлія-Челеби, подъ мечетью Ахмѣда находится огромная пещера, изобилующая сѣрою и селитрою.

Передъ мечетью разстилается обширная площадь атмейдана—древняго ипподрома, гдѣ во времена Византіи происходили игры, и самая площадь была окружена портиками и украшена статуями и замѣчательными произведениями Искусства; нынѣ здѣсь уцѣлѣли только обелискъ Θεодосія, Дельфійскій столбъ и колонна Константина. Первый изъ нихъ, привезенный изъ Фивъ въ Римъ, а оттуда, при Императорѣ Θεодосіи, въ Византію, составляетъ гранитный монолитъ въ 60 футовъ вышины, покрытый весь іероглифами и утвержденный на четырехъ мѣдныхъ кубахъ, которые лежатъ на высокомъ мраморномъ пьедесталѣ, покрытомъ грубоватыми Византійскими барельефами, изображающими Императора Θεодосія и его семейство, и Греко-Латинскою надписью о времени постройки обелиска. Дельфійскій столбъ состоитъ изъ трехъ перевившихся мѣдныхъ змій, у которыхъ головы отломлены; на этомъ столбѣ, перенесенномъ въ Царьградъ Константиномъ Великимъ, стоялъ когда-то Дельфійскій треножникъ. Колонна, носящая имя Константина Багрянороднаго, составляетъ также обелискъ, въ 94 фута вышины, сложенный изъ гранитныхъ плитъ и когда-то одѣтый позолоченными мѣдными листами, которые были сорваны Турками. Колонна наклонилась и грозитъ паденіемъ: особенно это замѣтно на тѣни, кидаемой ею въ солнечный день. Усердные Европейскіе путешественники стараются отламывать по кусочку отъ одного изъ этихъ памятниковъ древности, чтобъ на родинѣ похвалиться своимъ пребываніемъ въ

Константинополь: какъ будто нельзя найти другихъ свидѣтельствъ своего странствованія!

На слѣдующій день, 12 Юня, Его Высочество изволилъ обозрѣвать Турецкое Адмиралтейство, гдѣ былъ встрѣченъ въ «диванъ-ханѣ» (главной палатѣ) Капуданъ-Пашею. Адмиралтейство «терсанъ» (собственно *турсханъ*) расположено нѣсколько въ глубинѣ Золотаго Рога, по близости Галаты, насупротивъ Стамбула. Здѣсь сначала находятся казармы матросовъ и бассейны для постройки кораблей, которою завѣдываютъ Сѣверо-Американскіе мастера; далѣе идетъ самое Адмиралтейство съ обширными магазинами, сараями, школой и казармами. Обыкновенно видъ этой мѣстности очень печаленъ: сырость и гнилость выглядываютъ на всѣхъ зданіяхъ, воздухъ тяжелъ, а на водѣ качаются уродливыя громады—жалкіе остатки Наваринскаго пораженія, черныя скелеты безъ снастей и мачтъ, между которыми, какими-то судьбами, замѣшался маленькій Султанскій парохоль, весь бѣлый съ позолотой, подарокъ Египетскаго Пашы Мегемета-Али, — слабое вознагражденіе за флотъ, похищенный вассаломъ у Оттоманскаго владыки. Каждую весну отсюда выступаетъ въ недалеій походъ въ Архипелагъ Турецкая флотилія, вытягивающаяся въ линію по Босфору и состоящая только изъ нѣсколькихъ полусгнившихъ огромныхъ кораблей, неуклюжая форма которыхъ до того уродлива, что сами Турки называютъ свою флотилію «лимунъ-сакаси» (горшками для лимоновъ), вмѣсто «донанмай-гумаюнъ» (августѣйшій флотъ). Въ Адмиралтействѣ, кромѣ постройки и починки судовъ, существуетъ еще Османская каторга, называемая «кюрекъ»: это сарай съ ямой и небольшимъ дворомъ, гдѣ преступники содержатся въ оковахъ очень строго.

По обозрѣніи Адмиралтейства, Его Высочество изволилъ посѣтить, вмѣстѣ съ Капуданъ-Пашей, адмиральскій 120-пушечный корабль Махмудіа, который салютовалъ Августѣйшему Посѣтителю 21 выстрѣломъ, и фрегатъ о 64 пушкахъ «Низаміа» (сожженный въ 1853 году въ Синопскомъ бою). Громадный корабль очень не красивъ, потому что остовъ его коротокъ; на немъ, какъ и на всѣхъ Турецкихъ корабляхъ, пушки мѣдныя и отдѣлка вообще бронзовая. Возвратясь изъ Адмиралтейства въ Перу, Его Высочество присутствовалъ при духовномъ обрядѣ кружащихся дервишей Мевлеви.

Существованіе дервишей восходитъ къ первымъ временамъ Оттоманской Имперіи и гроссмейстеръ ихъ донынѣ имѣетъ пребываніе въ Коніи; въ Константинополь находится одно отдѣленіе Мевлеви, имѣющее свой «текіа» въ Перѣ, на возвышеніи, съ котораго открывается великолѣпный видъ на Золотой Рогъ, Константинополь, Мраморное море и Азіатскій берегъ. Нечего удивляться, что Мусульманскій текіа помѣстился между гяурами, какъ будто ему мало было мѣста въ самомъ городѣ или въ Скутари: Мевлеви отличаются вѣротерпимостью, а Константинопольскій Шейхъ ихъ знакомъ со всей Франкской знатью; отъ того Мевлеви равно уважаются и Мусульманами и Европейцами. Равнодушные ко всѣмъ другимъ религіямъ, и поставившіе себѣ правиломъ жить въ мирѣ со всѣми, Мевлеви исполняютъ нѣкоторые собственные обряды и наслаждаются втихомолку жизненными благами, въ которыхъ у нихъ нѣтъ недостатка, потому что они очень богаты. Текіа Мевлеви открытъ для любопытныхъ во всякое время, но особенное стеченіе бываетъ здѣсь по Вторникамъ и Пят-

ницамъ, когда происходитъ пляска дервишей. 12 Юня именно былъ Вторникъ.

Текіэ Мевлеви занимаетъ довольно большое пространство на главной и самой оживленной улицѣ Перы, гдѣ протекаетъ непрерывно сильное торговое движеніе; при самомъ входѣ, справа, находится длинный корпусъ, на углу котораго комната съ фонтаномъ и часами для общаго свидѣнія, а остальное занято келліями дервишей; съ лѣвой стороны этого проулка находится моельня, съ гробницами Шейховъ. Далѣе представляется дворъ, на которомъ почти прямо противъ воротъ стоитъ отдѣльное, красивое зданіе для пляски Мевлеви, а за нимъ расположено обширное ихъ же кладбище; съ правой стороны двора находится садъ съ фотаномъ, сзади коего и съ другой стороны двора идутъ келліи дервишей, такъ что ими ограниченъ дворъ съ трехъ сторонъ. На кладбищѣ Мевлеви, осыпаясь высокими кипарисами, показываютъ, между прочимъ, могилу ренегата, Французскаго Графа Бонневая.

Зданіе, въ которомъ совершается религіозный обрядъ дервишей, есть павильонъ, состоящій въ связи съ келліями: въ него ведетъ передня, по бокамъ коей находятся гробницы Шейховъ, а потомъ слѣдуетъ круглый залъ съ галерею вокругъ, съ хорами надъ входомъ и съ отдѣльной комнатой слѣва для женщинъ, которыя смотрятъ на обрядъ сквозь частую деревянную рѣшетку. Въ половинѣ втораго часа по полудни входятъ въ залъ босые дервиши-Мевлеви, въ бѣлыхъ связанныхъ около подола юпкахъ и въ курткахъ, сверхъ которыхъ накинута абы (плащи); на головѣ Мевлеви всегда носятъ высокій шерстяной остроконечный колпакъ желтаго цвѣта. Вступивъ въ залъ, каждый дервишъ дѣлаетъ два-три шага впередъ,

кладеть пальцы правой ноги на лѣвую, дѣлаеть низкій поклонъ «Незримому» и потомъ становится къ периламъ вокругъ зала. Когда соберется до 15 дервишей, входитъ въ залъ Шейхъ, въ зеленой мантии и съ зеленой повязкой на колпакѣ, дѣлаеть также поклонъ «Незримому» и подходитъ къ своему мѣсту, находящемуся въ передней части зала и обозначенному подушкой; дервиши всѣ кланяются Шейху, который садится на подушку: тогда и дервиши садятся на колѣни. Шейхъ читаетъ въ носъ молитву, держа руки передъ глазами; за симъ на хорахъ дервиши читають молитву по-Персидски, на-распѣвъ, потомъ поеть, и наконецъ начинается довольно пріятная не громкая музыка. Общая тишина ничѣмъ не нарушается.

Вдругъ всѣ дервиши восклицаютъ: «гу, онъ!» ударяють руками по полу, кладутъ земной поклонъ, мгновенно вскакиваютъ, сбрасываютъ мантии, распустивъ завязки внизу юпокъ, и въ молчаніи ждуть начала обряда. Шейхъ выступаетъ на три шага отъ подушки, дѣлаеть поклонъ «Незримому» и идетъ черезъ залъ ко входу; за нимъ старшина дервишей дѣлаеть также поклонъ «Незримому» прямо передъ собой, положивъ пальцы правой ноги на лѣвую, потомъ поворачивается разомъ къ прежнему своему мѣсту, опять дѣлаеть поклонъ «Незримому» и идетъ за Шейхомъ. То же самое повторяють всѣ дервиши одинъ за другимъ; на другомъ концѣ зала, противъ входа, всѣ творять опять по два поклона «Незримому». Обойдя три раза залъ, во главѣ вереницы дервишей, Шейхъ становится на свое мѣсто, а дервиши, отвѣсивъ по поклону, начинаютъ кружиться, каждый на избранномъ имъ мѣстѣ. Круженіе начинаютъ дервиши со сложенными руками, но потомъ поднимають ихъ; глаза или

закрѣты, или смотрятъ подъ воздѣтыя руки; старшина дервишей, съ четками въ рукахъ, въ синей абѣ, занимающій обыкновенно мѣсто справа отъ Шейха, во время круженія ходитъ между дервишами, и, когда который-нибудь собьется съ такта, топаетъ ногой, предупреждая виновнаго. Надобно отдать справедливость Мевлеви, что они кружатся очень искусно, рѣдко сбиваются съ такта и никогда не задѣнутъ ни старшины, ни другъ друга; широкія юпки ихъ такъ правильно очерчиваютъ одинъ и тотъ же кругъ, что у зрителя рябитъ въ глазахъ и кажется, что кружатся не одни дервиши, а весь залъ. Музыка играетъ все громче и скорѣе, дервиши вертятся все быстрѣе и быстрѣе; но вдругъ музыка замолкаетъ, дервиши въ одинъ мигъ перестаютъ кружиться, опускаютъ руки и идутъ на свои мѣста вокругъ зала, какъ будто они ровно ничего не дѣлали. Шейхъ опять три раза обходитъ съ ними вокругъ зала, дѣлая поклоны «Незримому», и опять начинается круженіе; потомъ снова слѣдуютъ роздыхъ, обходъ вокругъ зала и наконецъ третье и послѣднее круженіе, послѣ котораго дервиши, нѣсколько утомленные и въ поту, садятся вокругъ зала гдѣ кому удалось, и старшина накидываетъ имъ на плеча абы. По прочтеніи старшиною «хутбэ» (поминовенія), дервиши подходятъ одинъ за другимъ къ Шейху за благословеніемъ, которое тотъ даетъ разсѣвая воздухъ правою рукою, цѣлуютъ у Шейха руку, становятся по старшинству справа Шейха, цѣлуютъ руки одинъ у другаго и наконецъ, въ слѣдъ за Шейхомъ, уходятъ. Обрядъ конченъ, ощущение новости испытано, остается только анализировать его.

Тому, кто видитъ пляску Мевлеви впервые, покажется это искусное и продолжающееся каждый разъ до 10

минуть круженіе, однообразное и быстрое, поразительнымъ; но, наслушавшись дервишей-завывателей въ Египтъ — они находятся и въ Скутари — посмотрѣвшійся на «зикры» въ Египтъ, видѣвши тамъ же поѣздъ на конѣ дервишскаго старшины по спинамъ распростертыхъ, на землѣ дервишей, я не испыталъ большаго потрясенія при пляскѣ Мевлеви. Если первое круженіе и мгновенная остановка поражаютъ зрителя, то повтореніе становится уже почти-что скучнымъ, а въ другой разъ едва-ли придетъ и охота смотрѣть на дервишей. Впрочемъ, привычка ихъ къ круженію довольно замѣчательна: ни волненіе груди, ни ослабленіе рукъ или ногъ не показываютъ ни малѣйшаго утомленія, и только на блѣдныхъ лицахъ и въ сверкающихъ взорахъ видно неестественное усиліе. Не всѣ дервиши одинаковаго возраста и сложенія: большая часть стары и худощавы, но есть молодые, съ полными лицами, которыхъ еще не изсушилъ бесплодный трудъ круженія на одномъ мѣстѣ.

Его Высочество возвратился во дворецъ Русскаго Посольства и вечеромъ изволилъ прогуливаться въ каикѣ по Золотому Рогу — Константинопольской гавани.

13 Іюня Его Высочество изволилъ обозрѣвать приморскія части и стѣны Царяграда. Переѣхавъ Золотой Рогъ по мосту, Великій Князь проѣхалъ въ Греческій кварталъ, именуемый «Фаналь» (фонарь), потому что здѣсь при входѣ висѣлъ фонарь. Со стороны Золотаго Рога городъ обведенъ высокою, но тонкою стѣною, съ четырехугольными башнями, изъ-за которой, а иногда и на самой стѣнѣ, выставляются дома. Между стѣною и Золатымъ Рогомъ тянется улица, на одной сторонѣ которой примыкаютъ къ стѣнѣ дома, заслоняющіе стѣну; только въ

одномъ мѣстѣ, въ кварталѣ Балатскомъ, побережье, вообще грязное, расширяется. Кромѣ Фанала, на берегу Золотого Рога находится еще Еврейскій кварталъ Балата, отличающійся, по обыкновенію, особенною неопрятностію. Здѣсь каждую Субботу можно видѣть у всѣхъ оконъ Евреекъ, одѣтыхъ въ лучшія платья, съ разными драгоценностями и оригинальными повойниками на головахъ. Греческій Фонарь, отъ котораго происходитъ названіе Фанариотовъ, населенъ лучшими Греческими фамиліями. Его Высочество посѣтилъ первоначально въ этомъ кварталѣ Константинопольскую Греческую Патріархію. Такъ какъ Греческое Духовенство, послѣ казни Патріарха Григорія, очень опасается малѣйшаго раздраженія Порты: то изъ Патріархіи Константинопольской заблаговременно представлять былъ на разрѣшеніе Порты вопросъ объ этикетѣ, который должно соблюсти при приѣмѣ Русскаго Царевича. Порта предписала неопредѣленно самый лучший приѣмъ, какой только можетъ придумать Духовенство, и въ слѣдствіе такого разрѣшенія, палаты Вселенскаго Патріарха и Синода, давно преданныя волѣ судьбы, были исправлены внутри, и единственная мебель—диваны устроены вновь. Его Высочество изволилъ пройти прямо въ церковь, которая довольно бѣдна, хотя и считается лучшимъ Греческимъ храмомъ. Приложившись къ мѣстнымъ иконамъ и Св. мощамъ, Великій Князь принялъ благословеніе отъ Греческихъ Синодальныхъ Архіереевъ, которые не были предуведомлены о посѣщеніи Высокаго Гостя, такъ что и Патріархъ Константинопольскій находится въ это время въ Куру-чешмѣ, можетъ быть и не безъ намѣренія, потому что благосклонный отвѣтъ Порты не спасалъ его отъ подозрѣній, къ которымъ отыскать поводъ всегда легко такому Правитель-

ству, какова Оттоманская Порта. По приглашенію Духовенства, Его Высочество изволилъ войти въ палаты Вселенскаго Патріарха, гдѣ, по Восточному обычаю, предложено было Августѣйшему Гостю «глико» (варенье); въ убогихъ подносахъ и чашкахъ проглядывало очень ясно то угнетенное состояніе, въ которомъ содержитъ Порта Греческихъ раія. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, Его Высочество изволилъ отправиться въ Іерусалимскую Патріархію.

Въ Святоградской Патріархіи Духовенство точно такъ же не ожидало прибытія Его Высочества, и потому едва успѣлъ съ большой поспѣшностью прибыть въ церковь Патріархіи— гдѣ въ то время уже молился Великій Князь — Намѣстникъ Іерусалимскаго Патріарха, Фаворскій Архіепископъ Іерооей (*), котораго Порта устранила отъ слѣдовавшаго ему, по праву преемничества, послѣ покойнаго Патріарха Аванасія, Іерусалимскаго Патріаршаго Престола, только потому, что Іерооей жилъ нѣкоторое время въ Россіи. Смущенный, со слезами на глазахъ, Архипастырь произнесъ, нѣсколько заикаясь, благодарственное привѣтствіе Его Высочеству, на Русскомъ языкѣ, за посѣщеніе Іерусалимской Патріархіи.

Изъ Греческаго квартала Фонаря, черезъ Балатскій кварталъ, Его Высочество изволилъ выѣхать, воротами «Хайванъ-сарай» (у Византійцевъ Сунегіон) за городъ, и черезъ предмѣстіе «Ортаджиляръ-кѣй», подлѣ берега Золотаго Рога, изволилъ прибыть, по широкой мощеной улицѣ, обставленной богоугодными заведеніями и правительственными зданіями, на другой конецъ предмѣстія Эюбъ (у Византійцевъ Космидіонъ), гдѣ находится мечеть, въ ко-

(* Нынешній Патріархъ Антіохійскій.

торой коронуются Османскіе Султаны, т. е. препоясываются саблею предка своего Османа, которую надѣваетъ, на Султана Шейхъ дервишей Мевлеви. Эюбъ, по Мусульманскому преданію, былъ Аравійскій «ансарі» (сподручникъ же-пророка), павшій при нападеніи Аравитянъ на Царьградъ; неизвѣстную могилу Эюба открылъ Султанъ Мухаммедъ при взятіи Константинополя, воздвигъ надъ нею мошью (тюбѣ) и красивую мечеть, и съ тѣхъ поръ это лице поступило въ число уважаемыхъ Турками старцевъ, такъ что сюда ежедневно стекаются богомольцы со всего города, и самое предмѣстіе, окружающее мечеть, населено набожными Мусульманами и всегда полно торжественной тишины, которую усиливаютъ кладбища подъ тѣнію кипарисовъ, прилегающія къ мечети «Ансара». Эта мечеть пользуется такимъ почтеніемъ, у Турокъ, что даже по близости ея не должны проходить Христіане, и я помню, что, во время пребыванія моего въ Константинополѣ, Османскій Офицеръ ближняго «куллука» (гауптвахты) едва позволилъ мнѣ пройти на Эюбскую пристань, гдѣ меня ожидалъ кайкъ.

Его Высочество, прибывъ къ воротамъ мечети, изволилъ изъявить желаніе войти на дворъ ея; сопровождавшій Великаго Князя Турецкій Генералъ немедленно предложилъ исполнить волю Его Высочества. Сойдя съ лошади, Великій Князь изволилъ осмотрѣть передній дворъ мечети, по срединѣ коего растеть огромное старое дерево. Съ этого двора, имѣющаго фигуру неправильнаго пятиугольника, Его Высочество, со всею свитою, по предложенію того же Турецкаго Генерала, перешелъ на другой, малый дворъ мечети, четырехугольный, воротами, находящимися насупротивъ главныхъ воротъ. По

среди́ въ второго двора находится принадлежность всѣхъ Мусульманскихъ храмовъ — фонтанъ, сбоку коего растетъ также большое старое дерево: Турки вѣрятъ, что близъ Эюбовой гробницы находится родникъ безсмертія, скрытый отъ всѣхъ, и часть цѣлебныхъ свойствъ его удѣлена этому фонтану, о чемъ говоритъ и Эвлия-Челеби, при исчисленіи тринадцати рудниковъ, доставляющихъ въ Стамбулѣ разныя минеральныя богатства. Ко двору съ правой стороны примыкаетъ самая мечеть, а съ лѣвой — небольшое зданіе, въ родѣ кіоска, все покрытое со двора разноцвѣтными изразцами: окна и вообще все зданіе очень красивы; внутри мошлейни, обложенной мраморомъ, находится гробница Эюба. По тремъ сторонамъ двора, кромѣ той, къ которой примыкаетъ кіоскъ съ гробницею Эюба, идутъ колонны, поддерживающія навѣсы.

Самая мечеть имѣетъ четырехугольную, почти квадратную форму, одинаковой со вторымъ дворомъ ширины: снаружи это зданіе похоже на другія мечети, а главное довольно не велико, такъ что, безъ особенныхъ причинъ, не совсѣмъ бы заслуживало титулъ «Султанской мечети». За то внутренность мечети поразительна своею изящною простотою: стѣны перваго яруса покрыты всѣ бѣлымъ мраморомъ, михрабъ и подлѣ него мемберъ отличной рѣзбы также изъ мрамора; кромѣ того, по четыремъ угламъ мечети, стоятъ небольшія мраморныя колонны, а между ними подпираютъ сводъ двѣ толстыя колонны; вся внутренность мечети бѣлаго цвѣта, и только куполъ и окна обведены коричневымъ бордюромъ съ узорами. Оконъ въ мечети довольно; они имѣютъ Персидскую форму: въ среди́ въ рамы вставлено большое матовое стекло, сквозь которое льется въ мечеть волнистое освѣщеніе, а по узор-

четырьмя краями рамы вставлены разноцветныя стекла, производящія магическую игру свѣта. Посреди мечети виситъ люстра; во второмъ ярусѣ находятся хоры и Султанская ложа, на правой сторонѣ, обведенная позолоченною рѣшеткою; надъ мемберомъ висятъ два зеленыя знамени. Въ числѣ священныхъ для Мусульманина предметовъ здѣсь хранится мраморный обелискъ, на коемъ впечатлѣнъ слѣдъ ноги Мухаммеда, а другой слѣдъ Мусульмане показываютъ въ мечети на Элеонской горѣ. Обиліе мрамора, строго правильная Архитектура и волшебное освѣщеніе даютъ этому зданію преимущество передъ другими чисто-Мусульманскими мечетями Стамбула.

Мечеть Эюба окружена отдѣльными гробницами лицъ высокаго происхожденія, которыя разбѣяны отсюда до самаго берега Золотога Рога, а между ими проведены улицы и проулки. Такъ въ проулкѣ, идущемъ позади мечети, параллельно морскому берегу, находится на углу небольшое «тюрбѣ» съ двумя сыновьями Султанскаго зятя Халиль-Паши, задушенными, сообразно старинному Османскому обычаю, при самомъ рожденіи, во избѣжаніе лишнихъ претендентовъ на престолъ. Улица, проходящая позади мечети, къ самому Золотому Рогу, довольно широка, вся вымощена и обставлена съ обѣихъ сторонъ надгробными тюрбѣ съ красными рѣшетками; между ими первое мѣсто принадлежитъ находящейся противъ самой Эюбской мечети красивой моельнѣ, отдѣланной очень богато мраморомъ и окруженной садомъ; здѣсь покоится прахъ матери Султана Селима III. Въ передней комнатѣ этой тюрбѣ показываютъ модели Каабы, Мединской мечети и др., сдѣланныя довольно грубо изъ картона. Далѣе, по улицѣ къ морю, съ лѣвой же руки, находится имаретъ

(богоугодное заведеніе) Эюбской мечети, небольшое зданіе; а на концѣ улицы, на берегу Золотаго Рога, устроена пристань (искеле), называемая по-Турецки «сарай-искеле-си» (дворцовая): потому что на мѣстѣ Эюбскаго предмѣстія находился встарь Влахервскій дворецъ, да и нынѣ здѣсь стоитъ дворецъ одной изъ Султаншъ.

Его Высочество былъ первый изъ Христіанъ, который посѣтилъ мечеть Эюба даже до внутренности ея, и надобно полагать, что подобный примѣръ вѣротерпимости въ Стамбулѣ не скоро повторится. Такъ какъ никто не предполагалъ такой снисходительности со стороны Эюбскаго духовенства, то и не были даже взяты съ собою чистые башмаки, и Его Высочество, равно какъ и вся свита, вошли во внутренность Мусульманскаго храма въ той же обуви, въ которой ходили по двору.

Изъ Эюбскаго предмѣстія Его Высочество изволилъ проѣхать вокругъ городской стѣны до воротъ «Эйри-капу» (у Византійцевъ Charsias или Caligaria): здѣсь стѣна похожа на ту, которая идетъ со стороны Золотаго Рога, а за стѣной находится обширное Мусульманское кладбище. «Эйри-капу» (косыя ворота), такъ-названныя отъ того, что городская стѣна въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ излучину, не велики и очень обыкновенны. Вступивъ этими воротами въ городъ, Его Высочество, узкими и неправильными улицами, изволилъ проѣхать къ остаткамъ дворца Константина Великаго, находящимся между Адрианопольскими и Косыми воротами. Дворецъ примыкаетъ къ городской стѣнѣ, такъ что она составляетъ и одну изъ стѣнъ его; впрочемъ, и самые остатки дворца состоятъ только изъ стѣнъ, коихъ верхъ обвалился; сохранилась еще одна большая комната въ три этажа, отъ которой постепенно

понижающееся продолженіе стѣны наконецъ совсѣмъ исчезаетъ въ мусорѣ. Стѣны сложены изъ камня, мѣстами перемѣшаннаго кирпичемъ, положеннымъ разнообразно; Архитектура зданія, сколько оно уцѣлѣло, напоминаетъ дворецъ Сассанидовъ въ Ктезифонѣ, — «Такъ-кесра», близъ Багдада, и своды оконъ выведены кругло. Въ городской стѣнѣ находится подлѣ дворца засыпанная землею дверь; потомъ, почти по срединѣ дворца, дверь закладенная, а далѣе вверху шесть небольшихъ оконъ, также закладенныхъ; въ сохранившейся комнатѣ, въ третьемъ этажѣ, видно съ одной стороны 2 окна, съ другой — 6, съ третьей — 3, а съ четвертой — 7. Нынѣ этотъ памятникъ Византіи преданъ поруганію: въ немъ подѣланы дрянныя лачужки, населенныя Евреями. Турки называютъ его «Текюръ-сарай» (дворецъ Византійскаго Императора).

Что память Великаго Соименника, Его Высочество взволилъ снять видъ дворца, послѣ чего продолжалъ обзоръ городской стѣны снаружи. Отъ дворца Константинова стѣна поворачиваетъ, и здѣсь начинается городской ровъ (шир. 25 шаговъ, глуб. 12—15 шаг.), а вскорѣ и тройная стѣна: двѣ первыя пропорціонально ниже третьей, главной, имѣющей круглыя или четырехугольныя башни (всего съ сухопутья, по исчисленію Эвлія-Челеби, 1225 башень). Въ углубленіи, подлѣ Константинова дворца, находится внѣ города Армянское кладбище, а далѣе — Мусульманское, едва не доходящее до Адрианопольскихъ воротъ «Эдирнэ-капуси» (у Византійцевъ Мугіандгі или Ролуандгі). Эти ворота болѣе Косыхъ, но также ничѣмъ не замѣчательны, развѣ только тѣмъ, что около моста черезъ ровъ здѣсь готовятъ камни для фонтановъ, гробницъ и проч. Отъ этихъ воротъ идетъ дорога на Адрианополь,

подходящая недалеко къ «Маль-тапъ» — возвышенному кургану; на коемъ построень госпиталь, а въ самомъ курганѣ покоится прахъ воиновъ. Между Адрианопольскими воротами и слѣдующими «топъ-капуси» находится ояты Мусульманское кладбище и оврагъ, въ коемъ проходить сухой лѣтомъ ручей подъ городскую стѣну, — на широкую поляну, внутри города, — называемую «Ени-багчъ» (новая бакча); около стѣны снаружи и внутри приютились Цыгане, проникнувшіе и въ Царьградъ.

Ворота «Топъ-капуси» (пушки, у Византійцевъ Св. Романа), такъ названы потому, что противъ нихъ, при послѣдней осадѣ Константинополя, была поставлена Мухаммедомъ-Завоевателемъ чудовищная пушка, въ память чего и надъ самыми воротами положены большія гранитныя ядра, которыми громили стѣну Царьграда: болѣе ворота ничѣмъ не замѣчательны. Широкая дорога ведетъ отъ нихъ къ текіэ дервишей Мевлеви, за которымъ раскинулась долина Даудъ-Паши: на этой долинь стояла армія Мухаммеда II; здѣсь же собираются войска, выступающія въ походъ. Слѣдующія за тѣмъ въ Константинопольской стѣнѣ ворота называются «Мевляна-капуси» (ворота Господина — отъ сосѣдняго текіэ дервишей), а иногда «ени-капу» (новыя ворота); между ими и воротами пушечными находятся сады съ домиками и четыре мечети. Сбоку новыхъ воротъ средней стѣны стоятъ древнія небольшія колонны и такія же лежатъ на порогѣ, всего числомъ четыре; но Турки утверждаютъ, что еще три колонны скрываются въ землѣ. Надъ воротами видны символъ Христіанскій — крестъ и надпись, смыслъ которой таковъ: что повелѣнію Θεодосія, Константинъ возобновилъ эти стѣны менѣе чѣмъ въ два мѣсяца. Едва ли сама Минерва, въ такое ко-

ротное время, могла воздвигнуть столь твердую оперу». Съ лѣвой стороны воротъ, на камнѣ въ стѣнѣ, другая надпись, съ именемъ Феодосія. Снаружи воротъ Мевлеви находится, на лѣвой сторонѣ, въ обгороженной стѣнкѣ, простой гробъ, предъ коимъ растетъ высокій кипарисъ, а на кипарисѣ повѣшенъ фонарикъ (кандиль); надпись весьма дурнаго почерка гласитъ, что это гробъ Мухаммеда-Аги (+ 1134 гижры), Кіая-бея Султана Ахмеда III. Послѣ воротъ Мевлана слѣдуютъ ворота Силиврійскія (у Византійцевъ *Selymbria*); вправо отъ нихъ есть башня съ Греческою надписью, а прямо отъ воротъ ведетъ дорога къ Греческому монастырю «Балыкли», гдѣ заранѣе собралось множество Грековъ обоюго пола и всякаго званія, жаждавшихъ лицезрѣть сына Русскаго Императора. Его Высочество, отслушавъ здѣсь молебствіе въ храмѣ Богоматери, изволилъ посѣтить покои Греческаго Духовенства, гдѣ, въ особенномъ залѣ, украшенномъ портретомъ Императора Льва Философа во весь ростъ, приготовленъ былъ для Высочаго Путешественника завтракъ. Церковь Богоматери Живоноснаго Источника, называемаго по-Турецки «балыкли» (рыбимъ), прославлена своей иконой Божіей Матери и источникомъ, въ коемъ плаваютъ золотыя рыбки. Источникъ находится въ подземной часовнѣ, прямо подъ алтаремъ церкви, на глубинѣ 2½ сажень отъ поверхности земли и ознаменованъ слѣдующею легендою: одинъ Греческій Священникъ, жившій по близости вынѣшней церкви Балыкли, на берегу протока жарилъ, во время взятія Царяграда Турками, рыбу, и когда ему сказали, что Мусульмане ворвались въ городъ, онъ не повѣрилъ и отвѣчалъ: «скорѣе эти рыбы оживутъ, нежели Турки возьмутъ Константинополь». Рыбы чудесно ожили и прыгнули въ

источникъ, гдѣ съ тѣхъ поръ и плаваютъ. Греческая церковь ежегодно отправляетъ здѣсь особенное торжество 29 Апрѣля. Во времена Визанціи на этомъ мѣстѣ стоялъ богатый храмъ, въ коемъ совершались бракосочетанія членовъ Императорской, фамилии, а по близости находился лѣтній дворецъ Императоровъ. При взятіи Турками Константинополя, храмъ былъ разрушенъ, и, возобновленный, опять опустошенъ во время Греческаго возстанія въ 1821 году. Въ настоящемъ видѣ, внутри довольно красивомъ, онъ отстроенъ уже по окончаніи Греческихъ дѣлъ, приношеніями благочестивыхъ Христіанъ, преимущественно изъ Россіи.

Между Силиврійскими воротами и послѣдними съ сухопутной стороны находятся еще однѣ ворота «Капаликапы» (запертыя): потому-что они закладены; близъ нихъ расположено Мусульманское кладбище, а насупротивъ ихъ построенъ Греческій госпиталь, — большое, довольно красивое зданіе. Ближе къ Мраморному морю идутъ сады, а на одной изъ башенъ городской стѣны можно усмотрѣть Греческую надпись, которую я приведу здѣсь для образца:

ΤΩ ΕΝΧΣΩ
ΤΥΚ. Α ΣΕ . . .
 ...ΠΑΛΕΙΟ
 ΠΟΛΟΥΤΥ
Α ΗΕΕ
 ΤΟ ΤΣ

Послѣднія сухопутныя ворота носятъ названіе «сидкулэ-капуси» (ворота семи башенъ): потому что они ведутъ въ замокъ. Эти ворота, красивѣе и больше другихъ, обязаны своимъ устройствомъ Султану Ахмеду III, котораго имя поминается въ надписи надъ воротами. Подлѣ

нихъ, на берегу Мраморнаго моря, построенъ Семибашенный замокъ, въ которомъ прежде содержали государственныхъ преступниковъ и Европейскихъ Посланниковъ, въ томъ числѣ и Русскаго Булгакова, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ исполнившаго свой долгъ.

Семибашенный замокъ, существовавшій еще во времена Византіи подъ именемъ Cylobion и Pentapurgion (пятибашеннаго) и возобновленный Мухаммедомъ-Завоевателемъ въ 1458 году, имѣетъ около 240 сажен. въ окружности и пятиугольную фигуру; съ двухъ сторонъ его находится городская стѣна, а съ трехъ выведена стѣна такой же вышины. Въ замокъ ведутъ два входа: одинъ снаружи города, а другой изнутри. Первый идетъ отъ воротъ еди-куллэ-капуси по насыпи, обведенной низкою стѣною, къ небольшимъ воротамъ, возобновленнымъ Махмудомъ въ 1254 г. гиджры, какъ видно изъ надписи надъ воротами: здѣсь красуются двѣ Греческія колонны. Эти ворота ведутъ на небольшой дворъ: почти прямо противъ нихъ вторыя ворота, по бокамъ коихъ возвышаются двѣ четырехугольныя башни, соединенныя между собою зданіемъ. Въ правой башнѣ небольшая желѣзная дверь, но въ лѣвой двери закладены. Посреди внутренняго двора, совершенно пустаго, стоятъ мечеть; третья башня находится у воротъ еди-куллэ-капуси, четвертая и пятая — параллельно мечети, въ шестой ворота въ городъ, а седьмая и главная — продлѣ этихъ воротъ. Она построена въ 4 яруса, имѣетъ круглую фигуру и заканчивается наверху деревяннымъ шпилемъ. Чудесный видъ на море и городъ открывается съ вершины этой башни, куда ходъ идетъ по стѣнѣ и надъ городскими воротами; лѣстница въ верхнихъ ярусахъ едва держится. Въ нижнемъ ярусѣ, высокомъ и тем-

номъ, безъ полу и оковъ, содержались иностранные Посланники: подлѣ маленькихъ дверей, единственныхъ въ этомъ ярусѣ, сохранились вырѣзанныя Латинскими буквами имена Европейскихъ узниковъ, когда-то страдавшихъ въ этой башнѣ, преимущественно Венеціанскихъ Пословъ, но попадаются также имена Греческія и даже Англійскія. Тщетно Его Высочество изволялъ искать здѣсь имени Русскаго Посланника Булгакова: исполнивъ долгъ, сей вѣрный сынъ Отечества даже не считалъ свой выше обыкновеннаго и не хотѣлъ оставить по себѣ никакого слѣда. Кромѣ Булгакова, въ Семибашенномъ замкѣ были заключены еще, при Петрѣ Великомъ, Русскій Посланникъ Графъ Толстой и при Екатеринѣ II—Обрѣзковъ; послѣдній же Европейскій представитель, содержавшійся въ этомъ замкѣ три года, былъ Французскій Посланникъ Руффенъ (Ruffin). Во времена Византіи, у Семибашеннаго замка находились знаменитыя «Златыя ворота» (Хрисопулъ), превосходный памятникъ Греческаго Искусства, воздвигнутый Θεодосіемъ въ память его побѣды надъ Максимомъ. Нынѣ не осталось слѣдовъ изящнаго и великолѣпнаго монумента, черезъ который входили триумфаторы, равно какъ не видно ни страшныхъ темницъ, между коими одна носила названіе «кровянаго колодца», ни орудій пытки. Златыя ворота были закладены еще при Византійскихъ Императорахъ, послѣ побѣды Василія надъ Булгарами: такъ какъ явилось предсказаніе, что этими воротами войдутъ въ Царьградъ Латины; это предсказаніе сохранилось и у Турокъ, которые вѣрятъ, что Христіане возьмутъ Константинополь черезъ эти ворота и возстановятъ алтари истиннаго Бога....

Сухопутная стѣна Константинополя, сложенная изъ каменныхъ плитъ, часто весьма большихъ, а мѣстами изъ

кирпичей, и снабженная бойницами, скорѣе можетъ считаться только оградой, нежели защитой отъ непріятеля; оставленная на произволъ судьбы, она во многихъ мѣстахъ находится въ томъ же видѣ, въ какомъ застали ее Турки при взятіи города; даже въ одномъ мѣстѣ она упала, и изъ рва прямо на стѣну ведетъ тропинка. Верхушки башенъ, также какъ и стѣны, вездѣ разрушены, и на нихъ растутъ деревья, вмѣсто пушекъ, которыхъ нигдѣ нѣтъ, а въ воротахъ лишь висятъ на цѣпяхъ каменные ядра.

По обозрѣніи Семибашеннаго замка, Его Высочество изволилъ проѣхать къ ближайшимъ городскимъ воротамъ, выходящимъ на море и называемымъ «Нармакану» (гранатовыми), гдѣ ожидали канки для продолженія прогулки; близъ этихъ воротъ находится Армянскій госпиталь и домъ умалишенныхъ. Проплывъ моремъ мимо воротъ Псаметіа, Даудъ-Паши и Ени-капу, Великій Князь изволилъ остановиться у «Кумъ-капу» (песочныхъ воротъ): городская стѣна съ моря не высока и также предала заботѣ случая; на берегу прилѣпились къ ней дома Армянъ и Грековъ, омываемые морскими волнами.

Воротами Кумъ-капу Его Высочество вступилъ въ Армянскій кварталъ, прилегающій къ Мраморному морю. Здѣсь Высокій Путешественникъ посѣтилъ Армянскую Патріаршую церковь, гдѣ былъ встрѣченъ Армяно-Григоріанскимъ Патріархомъ Матвеемъ. Эта церковь—Греческой Архитектуры, велика и красива: она состоитъ изъ трехъ большихъ придѣловъ съ колоннами и хорами, раздѣленныхъ часовнями; хоры, назначенные только для женщинъ, не закрыты, какъ у Грековъ, рѣшетками: потому что Армянки носятъ «яшмаки» (покрывала). Въ время посѣщенія Великимъ Княземъ Армянскаго храма, здѣсь происхо-

дила служба: на клиросѣ пѣли Армянскіе мальчкы очень пріятно. Патріархъ Матеей просилъ Его Высочество удостоить своимъ посѣщеніемъ и Патріархію, гдѣ поданы были варенья и шербетъ.

Отсюда Великій Князь изволилъ возвратиться въ Перу на каикахъ.

14 Іюня Русскій Посланникъ, по случаю прибытія Высокаго Путешественника, давалъ большой обѣдъ и вечеръ въ Буюкдере. Его Высочество изволилъ отправиться изъ Перы на пароходѣ «Бессарабія», для присутствованія на обѣдѣ, на который были приглашены Европейскіе Посланники и высшіе Турецкіе сановники. По окончаніи обѣда, данъ былъ, въ саду посольскаго дома, въ красивой палаткѣ, вечеръ съ танцами, въ которыхъ изволилъ принимать участіе и Великій Князь, удостоившій приглашенія супругу Французскаго Посланника Г-жу Буркене и другихъ дамъ. Музыка во время бала играла военная съ парохода—Бессарабія; общество было чрезвычайно разнообразно, изъ всѣхъ націй; но между дамами, въ странѣ классической красоты, затмѣвала всѣхъ супруга одного Русскаго негодіанта; убранство и освѣщеніе палатки были составлены съ большимъ вкусомъ, а любезная хозяйка, супруга нашего Посланника, очаровывала всѣхъ своею внимательностью и предупредительностью, такъ что балъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ блистательный.

15 Іюня, въ Пятницу, Его Высочество изволилъ смотрѣть, изъ кіоска Хюсейнъ-Паши, подлѣ Календера, на Европейскомъ берегу Босфора, поѣздъ Султана моремъ, въ парадныхъ каикахъ, для совершенія праздничнаго моленія въ мечети селенія Эмирганъ. Выѣздъ Султана называется «бинишъ» (сидѣнье); онъ возвѣщается пальбою съ

баттарей Босфора, салютующихъ своему Повелителю; по мѣрѣ проѣзда его мимо баттарей, и громъ пушечныхъ выстрѣловъ потрясаетъ столицу каждую Пятницу, исключая зимы, когда Султанъ живетъ въ старомъ дворцѣ и ѣздитъ въ мечеть на лошади. Во время такихъ бинишей подаются Султану просьбы. Султанъ одѣвается очень просто: синяго цвѣта суконный плащъ безъ воротника, довольно длинный, а подъ нимъ такого же цвѣта суконный казакинъ, подлиннѣе колѣнъ, узкіе суконные панталоны и красный фесъ — вотъ весь костюмъ Оттоманскаго Повелителя, иногда дополняемый брилліантовою звѣздой. Физиономія Султана Абдуль-Меджида, не смотря на его тогда еще юныя лѣта, довольно старообразна и не совсѣмъ привлекательна: голова небольшая, глаза лишены огня, а лицо испещрено веснушками; роста молодой Султанъ средняго, и уже, въ слѣдствіе Турецкой привычки сидѣть поджавъ ноги и наклонясь, началъ горбиться. Тогда Султанъ Абдуль-Меджидъ еще не выступалъ на политическое поприще: всѣ государственныя дѣла находились въ рукахъ «Султанъ-валидъ», матери его, и ея любимца, перваго Камергера или, лучше сказать, Министра Двора, Риза-Паши; самъ же Султанъ проводитъ все время въ гаремѣ.

Изъ селенія Эмирганъ Его Высочество изволилъ отправиться, на пароходѣ Бессарабія, въ Константинополь, гдѣ обозрѣлъ мечети Сулейманіе и завоевателя Царяграда Мухаммеда II. Первая изъ нихъ, одна изъ лучшихъ мечетей Константинополя, видимая издали, построена Султаномъ Сулейманомъ-Законодателемъ: матеріалы для ея постройки взяты были отъ разрушенной церкви Св. Евфиміи, въ Халкидонѣ, и послѣ шести лѣтъ (по Эвлия-Челеби — девяти) работы, мечеть окончена въ 1556 году; на постройку

надержано болѣе 700,000 червонцевъ. Зданіе величественно и изящно: оно составляетъ продолговатый четырехугольникъ, обведенный съ трехъ сторонъ широкими галереями въ два яруса, съ множествомъ колоннъ. Широкая мраморная лѣстница идетъ къ входу, гдѣ сверху изсѣчено имя строителя и годъ постройки; три огромные зала составляютъ корпусъ мечети; изъ нихъ въ переднемъ (харемъ) находится фонтанъ для омовеній, а въ другомъ, крайнемъ, называемомъ «рауза» (садъ), помѣщены гробницы; средній же залъ—«месджидъ» есть главный. Онъ накрытъ большимъ куполомъ, 68 футовъ въ діаметрѣ, опирающимся на два боковые полукупола, которые въ свою очередь подперты двумя толстыми колоннами краснаго гранита. Много мелкихъ куполовъ находится по краямъ; минаретовъ же здѣсь четыре: два съ шестью галереями, и два съ четырьмя,—чѣмъ строитель мечети хотѣлъ обозначить, что былъ девятый въ ряду Султановъ Османскихъ. Изъ украшеній мечети особенно замѣчательна дверь харема противъ главнаго входа: она убрана самыми затѣйливыми арабесками, изсѣченными на камнѣ; въ месджидѣ же «михрабъ»—палатка, гдѣ хранится экземпляръ Алкорана, «курси»—каедрa для проповѣдника (ваизъ), «мемберъ»—галерея для возгласителя Султанскаго имени (хатибъ), «мастабъ»—платформа для повторителей приглашенія на молитву (махфиль) и «максурэ»—Султанская ложа—всѣ отдѣланы бѣлымъ мраморомъ. Въ отдѣльной тюрбѣ похороненъ самъ строитель, Султанъ Сулейманъ II, и братъ его Ахмедъ II; кромѣ того здѣсь покоится прахъ знаменитой «Хассеки-Хурремъ» (Роксоланы), а также при Сулейманѣ находятся гробницы многихъ Султаншъ и Принцевъ крови. Къ мечети принадлежитъ еще нѣсколько заведеній разнаго рода, а именно:

«мектебъ» первоначальная школа, четыре «медресе» — высшія духовныя училища, «даръ-уль-хадисъ» — школа для изученія преданій, «даръ-уль-кыраетъ» — школа для чтенія Алкорана, «медресе-и-тиббъ» — медицинское училище, «даръ-уль-шефа» — госпиталь, «имаретъ» — домъ для бѣдныхъ, «караванъ-сарай» — странноприимный дворъ, «китабъ-ханэ» — библіотека, «себиль-ханэ» — резервуаръ для воды въ со-сѣдніе фонтаны, «тавъ-ханэ» — госпиталь для прїѣзжихъ, и «хаманъ», — бани, а также кладовыя для сбереженія имущества странствующихъ знатныхъ Стамбульцевъ. Такова въ своей сложности Мусульманская мечеть, для которой Сулейманіэ можетъ служить образцемъ. Законодатель хотѣлъ въ ней соперничать съ Ая-Софіей и употребилъ все бывшія въ его волѣ средства на сооруженіе великолѣпнаго храма. Мечети, при такомъ обширномъ расходѣ, имѣя еще много духовенства, содержатся «вакфами» (вкладами строителей), состоящими въ караванъ-сараяхъ, баняхъ, домахъ и проч.

На обширномъ дворѣ (сахнъ) Сулейманіэ постоянно роится толпа народа и производится купля и продажа; среди мечети расположены кофейни, въ которыхъ преимущественно собираются «терьяки» (курильщики опиума), число которыхъ въ Стамбулѣ нынѣ незначительно. Сбоку къ Сулейманіэ примыкаетъ огромное зданіе, прежде бывшее дворцомъ Янычарскаго Аги, а потомъ сдѣлавшееся «Шейхъ-уль-Ислямъ - капуси» — мѣстопробываніемъ (воротами) Шейха правовѣрія, высшаго духовнаго лица Имперіи.

Мечеть Султана Мухаммеда II возвышается на четвертомъ холмѣ Царяграда, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла некогда церковь Дванадцати Апостоловъ. Строеніе ея продолжалось восемь (по Эвлія-Челеби — 20) лѣтъ. Она отли-

чается особенно высокою и красивою формою своихъ куполовъ. Передній залъ обведенъ съ трехъ сторонъ колонадою и первою главою Алкорана, изсѣченною на разноцвѣтныхъ мраморныхъ доскахъ; надъ главнымъ входомъ читаютъ Мусульманское преданіе лже-пророка о Царѣградѣ: «они возьмутъ Константинополь, и блаженъ Государь, блаженна и рать, которые завоюютъ его»; въ роуза же мечети покоится прахъ самого Завоевателя (Эль-фатихъ), который навѣщаютъ Султаны послѣ препоясанія мечемъ въ Эюбѣ, а противъ гробницы Мухаммеда, на которой лежитъ чалма законовѣдца, находится гробница его супруги Гюльбехаръ; по лѣвую сторону михраба виситъ «санджакъ» (знамя). При этой мечети находятся восемь «медресе» съ пристройками (тетимма) для помѣщенія студентовъ, нѣсколько богоугодныхъ заведеній, въ числѣ которыхъ состоитъ и «тимарь-ханэ» (домъ умалишенныхъ), и первая, по времени основанія, Мусульманская бібліотека въ Константинополѣ, между которыми болѣе богаты бібліотеки Рагибъ-Паши, Кюприли, Баязида, Нури-Османіэ, Аашеръ-Эфенди, Ая-Софіи, Ени-Джами, Абдуль-Хамида, Лялели и проч.

Недалеко отъ мечети стоитъ колонна Марціана, называемая «кызъ-таши» (дѣвичій камень); она Коринтскаго ордена и состоитъ изъ цѣльнаго куска бѣлаго мрамора, въ 75 футовъ вышины. Кромѣ ея уцѣлѣли отъ Византіи: колонна Аполлонова, изъ Египетскаго порфира, называемого нынѣ «погорѣлою», отъ частыхъ пожаровъ; на рынкѣ «таукъ-базари» (птичьемъ, въ древности Forum tauri), пьедесталъ Аркадіевой колонны и каменная колода, принимаемая за гробницу Императора Константина. Турки во всѣхъ древностяхъ видятъ лишь талисманы гяуровъ, и даже Историкъ Эвлия-Челеби очень наивно утверждаетъ,

что въ 27. возвышенностяхъ Стамбула, разными строителями его, скрыто 20. талисмановъ.

Водопроводъ Валенція, называемый Турками «боздыгашъ-кемери» (поясъ булавы), между третьимъ и четвертымъ холмами, построенъ первоначально Императоромъ Константиномъ, а возобновленъ Валенціемъ, за которымъ и оставило его народное преданіе; Сулейманъ-Законодатель также занимался устройствомъ его. Вода проведена сюда изъ резервуаровъ въ Хавасъ-кѣй и Хальхали; длина водопровода болѣе 300 сажень, а высота 10. Онъ идетъ въ два яруса, съ красивыми сквозными арками; но верхній уже разрушился во многихъ мѣстахъ, покрылся плуощемъ и поросъ деревьями. Съ Золотаго Рога водопроводъ Валенція представляетъ массивное и изящное зданіе, съ воздушною аркадою.

По обзорѣни водопровода, Его Высочество изволилъ посѣтить древнюю цистерну, называемую «бинъ-биръ-дерекъ» (тысяча одна колонна), что употреблено только для круглаго счета, потому что всѣхъ колоннъ собтвенно 224; у Грековъ она именовалась «филоксея» (гостелюбивая), потому что была назначена для иностранцевъ; устройство ея относится ко временамъ Императора Константина. Въ подземелье ведетъ неудобная лѣстница: сырость и темнота царствуютъ здѣсь. Составныя колонны изъ прекраснаго мрамора идутъ въ нѣсколько рядовъ, подпирая арки свода; впрочемъ, колонны тонки и некрасивы. Въ этомъ пространствѣ можетъ помѣститься воды на двухнедѣльное продовольствіе всѣхъ жителей Константинополя; но это еще только одинъ ярусъ, а древняя цистерна была въ три яруса, изъ коихъ два нижніе засыпаны. Въ уцѣлѣвшемъ ярусѣ помѣщается нынѣ заведеніе для сученія шел-

ка. Такъ на каждомъ шагѣ выказывается пагубное пренебреженіе Турокъ къ не-Мусульманскимъ учрежденіямъ! Отъ девятнадцати цистернъ древняго Царяграда нынѣ уцѣлѣло лишь пять или шесть, совершенно заброшенныхъ; между ими извѣстна особенно одна, называемая подземнымъ дворцомъ (ере-батанъ-сарай), въ древности «цистерна базилика» (Императорская). Турки говорятъ, что подъ всѣми домами и зданіями Стамбула устроены бассейны, въ предупрежденіе землетрясеній; подобное мнѣніе господствуетъ на всемъ Мусульманскомъ Востоку. Впрочемъ, и у Грековъ существуютъ разныя повѣрья о Константинопольскихъ ключахъ: такъ родникъ въ Терашии извѣстенъ цѣлебными свойствами противъ любви.

Во время прогулки сего дня, Его Высочество изволилъ заходить въ Турецкую гостиницу, гдѣ былъ потребованъ обѣдъ изъ Турецкихъ блюдъ. Не смотря на то, что это была лучшая гостиница, большая часть обѣдавшихъ чувствовали себя дурно послѣ Турецкихъ блюдъ.

16 Іюня Великій Князь изволилъ обозрѣвать Стамбульскіе базары. Восточный базаръ довольно извѣстенъ: подробности о немъ были уже мною и сообщены въ «Путешествіи по Сѣверной Персіи». Константинопольскіе базары не отступаютъ отъ общихъ правилъ Мусульманскихъ рынковъ; только они нѣсколько шире и чище. Расположенный на волнистой мѣстности, главный Стамбульскій базаръ, начатый Султаномъ Мухаммедомъ-Завоевателемъ и носящій названіе стараго и новаго (Эски и ени базаръ), развѣтвляется на нѣсколько линій, въ которыхъ продаются и фабрикуются отдѣльно разные товары; къ базару примыкаютъ каменные караванъ-сарай, мѣстами въ нѣсколько этажей, называемые здѣсь «хавами», между которыми

отличается своею обширностію «ени-ханъ» (новый). Невольничій рынокъ, близъ мечети Сулейманіа, составляетъ отдѣльный низкій ханъ, съ навѣсомъ посрединѣ: здѣсь продаются преимущественно Аббисинки и Негры, по видимому, всегда довольные своею судьбою и всегда исполненные ненависти къ Франкамъ; женщины сидятъ въ каморкахъ за рѣшетками. Почти въ срединѣ базара находится «безестенъ» (правильнѣе «беззазистанъ») — мѣсто продажи матерій, обширное четырехугольное зданіе, подобно базару крытое, назначенное для продажи лучшихъ товаровъ, между которыми одвакожь нерѣдко замѣшивается ветошь и ходячіе лоскутники; въ безестенѣ продается также цѣнное оружіе. Его Высочество изволялъ купить здѣсь саблю въ 400 руб. асс. и вѣсколько «фесовъ» (шапокъ) и «папучей» (туфель).

Въ семь часовъ вечера Великій Князь, по приглашенію Султана, прибылъ на пароходѣ въ Бейлербейскій дворецъ, къ обѣденному столу. При вступленіи Высокаго Путешественника во дворецъ, Турецкая музыка играла Русскій гимнъ: «Боже, Царя храни». Въ залѣ ожидали Великаго Князя Турецкіе савовинки и Посланники Европейскихъ Державъ: для прохода Его Высочества отперты были «Золотыя ворота», которыя отворяются лишь для Султана и до-сихъ-поръ не раскрывались ни для одного Европейскаго Принца. Султанъ Абдуль-Меджидъ, сообразно Мусульманско-Турецкому этикету, по «Канунъ-намѣ» (уложенію) Мухаммеда II, не присутствовавшій за обѣдомъ, выходилъ для привѣтствія Высокаго Гостя, и осведомившись о прогулкахъ Его Высочества по Царю-граду, удалился во внутренніе покои. За столомъ около Великаго Князя сидѣли Риза-Паша (Министръ Двора) и

Сулейманъ-Паша (Предсѣдатель Совѣта). Во время обѣда, Его Высочество предложилъ тостъ за здравіе Султана, а Великій Визирь провозгласилъ тостъ за здравіе Государя Императора, послѣ чего Риза-Паша предложилъ тостъ за здравіе Высокаго Путешественника.

17 Юня, въ Воскресенье, Его Высочество слушалъ Литургію въ Посольской церкви въ Буюкдере, а вечеромъ изволилъ прогуливаться на Азіатскомъ берегу Босфора, въ пріятной долинѣ Султанів, близъ деревни Бейкосъ.

18 Юня Великій Князь изволилъ присутствовать въ Скутари на эволюціяхъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи (топчи, кумбараджи), при казармахъ Селиміѣ. Не смотря на заботы покойнаго Султана Махмуда, Турецкія войска находятся не въ цвѣтущемъ положеніи: въ Константинополѣ считалось слишкомъ 20,000 регулярныхъ войскъ, но изъ этого числа едва ли и половина можетъ быть поставлена въ сраженіе. Правда, что пѣхота маршируетъ довольно ровно, кавалерія учится фехтовать, артиллерія имѣетъ случай чуть не каждый день оглушать холостыми выстрѣлами себя и другихъ; правда, что для обученія (таалимъ) пѣхоты находятся Французскіе Офицеры, а для обученія артиллеріи — Прусскіе; правда, что содержаніе Турецкаго солдата въ столицѣ обезпечено; однако неловкіе Осмаилы съ трудомъ вникаютъ въ Европейскую выpravку, поощренія не видится ни откуда особеннаго — такъ было въ 1845 году — и притомъ солдаты больше недоростки и малолѣтки, остающіеся недолго на службѣ, а старые солдаты никакъ не могутъ отстать отъ убѣжденія, что внѣ Ислама и Турціи нѣтъ ничего хорошаго. Султанъ обращалъ тогда на свою армию вниманіе довольно посредственное. Внутреннюю стражу, вмѣсто Полиція, со-

держатъ регулярные солдаты, не соблюдающіе почти никакой субординаціи ни въ «эйлакахъ» (казармахъ), ни въ «куллукахъ» (строю). Осужденіе Турецкимъ войскамъ, какъ ничего не объщающимъ, произнесъ еще въ 1834 году Маршалъ Мармонъ.

По окончаніи смотра, Его Высочество изволилъ переправиться въ Константинополь, гдѣ посѣтилъ зданіе, известное подъ именемъ «Порты» (двери). На Востокѣ издавна всё дѣла рѣшались при дворцовыхъ воротахъ: это мы находимъ еще въ Библейскихъ сказаніяхъ у Даниила и Эсеири, и у Ксенофонта въ его Киропедіи. Съ тѣхъ поръ «дерь» въ Персидскомъ, «бабъ» въ Арабскомъ и «шипикъ» въ Тюркскомъ — *двери* играютъ на Востокѣ главную роль въ государственномъ управленіи, такъ что и самая Оттоманская Имперія получила названіе «Высокой Порты». Въ зданіи, которому теперь присвоено это имя, засѣдаетъ Великій Визирь, первый сановникъ Имперіи, не бывший однакожь имъ въ 1845 году: потому что всѣми государственными дѣлами заправлялъ любимецъ матери Султана, Риза-Паша, первоначально бывшій любимцемъ (въ полномъ значеніи этого слова) Султана Махмуда и возвысившійся изъ простыхъ разношниковъ. Снаружи зданіе Высокой Порты хотя и обширно, но довольно некрасиво и просто; внутри же много мраморной отдѣлки, но вообще Восточное великолѣпіе отсюда изгнано. Его Высочество былъ встрѣченъ здѣсь Великимъ Визиремъ.

19 Іюня Великій Князь осматривалъ Литейный заводъ въ Топхане, послѣ чего посѣтилъ Армяно-католическую Патріаршую церковь и потомъ возвратился въ Буюкдере, а вечеромъ изволилъ прогуливаться въ долину Розъ, близъ Буюкдере, на Европейскомъ берегу Босфора.

20 Іюня посвящено было Его Императорскимъ Высочествомъ на приготовленія къ отъѣзду.

21 Іюня, утромъ, Великій Князь имѣлъ прощальную аудіенцію у Султана, который собственноручно написалъ для Высокаго Гостя два Турецкіе стиха слѣдующаго смысла: «Путешествіе есть лучшее средство для окончательнаго образованія юношества». Вечеромъ Его Высочество изволилъ осматривать Принцовы острова, гдѣ посѣтилъ Греческіе монастыри и знатока Константинопольскихъ древностей Патріарха Константія, произнесшаго, со слезами на глазахъ, привѣтственное слово, заключеніе котораго было таково: «Пора же Православію расцвѣсти въ Царѣградѣ! Кто здѣсь терпитъ и сколько — объ этомъ знаютъ вотъ они!» — при чемъ благочестивый старецъ указалъ на Русскаго Посланника.

22 Іюня Великій Князь Константинъ Николаевичъ отправился, на пароходѣ Бессарабія, въ Никомидію и Брусу: Русскій Посланникъ сопровождалъ Его Высочество до Дарданеллъ.

Такъ заключилось шестнадцати-дневное пребываніе Русскаго Царевича въ столицѣ Византійскихъ Императоровъ. Православному народонаселенію это посѣщеніе осталось навсегда памятно: много надеждъ и радостныхъ предположеній соединяли Православные съ пріѣздомъ Сына Русскаго Императора, — Сына, носящаго славное въ Греческой памяти имя Константина!...

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.

Renewed books are subject to immediate recall.

6 Feb 61 AEX	
REC'D LD	
JAN 27 1961	
DEAD	

LD 21A-50m-4,'60
(A9562s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

Manufactured by
GAYLORD BROS. Inc.
Syracuse, N. Y.
Stockton, Calif.

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C046569584

